

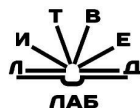
Гений места

Материалы II Международного
литературного конкурса

Москва, 2024

МГЛУ
Московский государственный
лингвистический университет

При поддержке:

ИНОСТРАННАЯ

ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

Гений места

Материалы II Международного
литературного конкурса

Москва, 2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г34

Издание осуществлено при поддержке выпускников и партнеров Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ

На обложке использован автопортрет А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

Беляков Д.А. (председатель), Чернова Ю.В., Космарская И.В., Морева А.Н.,
Веденеева А.Ю., Царева А.В., Логунов А.Е., Солобуто Д.С., Барановская Д.А.

Г34 Гений места: Материалы II Международного литературного конкурса. –
М.: Издательство «Перо», 2024. – 88 с.

ISBN 978-5-00244-510-3

В книге представлены работы победителей и призеров II Международного литературного конкурса «Гений места». Для широкого круга читателей, интересующихся художественной литературой, литературной критикой и мультимедийными журналистскими произведениями.

ISBN 978-5-00244-510-3

© Коллектив авторов, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Номинация «Лучший рассказ».....	6
Номинация «Лучшее стихотворение».....	22
Номинация «Лучшая рецензия».....	28
Номинация «Лучшее эссе».....	40
Номинация «Лучший очерк».....	52
Номинация «Лучший мультимедийный лонгрид».....	66
Специальный приз от Лаборатории сравнительного литературоведения и креативных практик (ЛитВедЛаб).....	68
Послесловие.....	82

ПРЕДИСЛОВИЕ

В феврале 2024 года – в преддверии 225-й годовщины со дня рождения А. С. Пушкина – был объявлен II Международный литературный конкурс «Гений места». В этом году в центре внимания конкурса оказались личность и творчество великого поэта.

Конкурс учрежден Московским государственным лингвистическим университетом при поддержке Общественной палаты Российской Федерации, Исполнительного комитета СНГ, Союза журналистов России, Межгосударственной телерадиокомпании «Мир», «Литературной газеты», журнала «Иностранная литература». Оператор конкурса – Лаборатория сравнительного литературоведения и креативных практик МГЛУ (ЛитВедЛаб).

В числе целей и задач «Гения места»: стимулирование интереса к литературным традициям, креативному письму, личности А. С. Пушкина и его творческому наследию в целом; популяризация русского языка как языка творчества, а также новейших научных открытий в области литературоведения и литературной критики; повышение общественного интереса к чтению художественной литературы и созидательной творческой деятельности; укрепление международного и межкультурного диалога; популяризация в современной цифровой среде духовно-нравственных ценностей классического литературного наследия.

В состав независимого международного экспертного жюри вошли ведущие писатели, поэты, филологи, журналисты: Никита Анисимов, Сергей Бирюков, Ольга Егорова, Максим Замшев, Дарья Кузина, Александр Ливергант, Борис Максимов, Екатерина Похолкова, Рафаэль Гусман Тирадо, Сергей Толкачев, Наталья Чернышова, Сергей Шаргунов. Председателем жюри конкурса стала Елена Зейферт.

Заявки конкурсантов принимались в течение трех месяцев по шести номинациям: «Лучший рассказ», «Лучшее стихотворение», «Лучшая рецензия», «Лучший мультимедийный лонгрид», «Лучшее эссе о будущем России и русской культуры», «Лучший очерк». В дополнение к конкурсным номинациям по решению Оргкомитета был учрежден и специальный приз.

На протяжении всех этих месяцев команда организаторов конкурса оказывала участникам всестороннюю наставническую поддержку. Интерес к конкурсу вновь превзошел наши ожидания. В Оргкомитет поступило более 200 заявок из 8 стран и 80 городов. В числе участников и призеров – жители

Беларуси, Армении, Киргизии и других стран Содружества Независимых Государств. Это ещё раз подтверждает, что на постсоветском пространстве сохранились единые ценности, единый культурный код. Возраст самого молодого участника – 9 лет, самому опытному конкурсанту – 87 лет.

В этой книге представлены работы победителей и призеров конкурса. От имени Оргкомитета выражаю искреннюю благодарность всем без исключения участникам проекта «Гений места» и желаю новых творческих успехов!

Председатель Организационного комитета
II Международного литературного конкурса «Гений места»,
ректор Московского государственного лингвистического университета,
член Правительственной комиссии по русскому языку,
профессор И.А. Краева

**Номинация
«Лучший рассказ»**

Первое место

Важова Марина Александровна,

г. Выборг (Россия),

главный редактор портала «Сады Северо-запада»

Где вы, Александр Сергеевич?!

Ночные фантазии

Нет-нет да и задумаюсь. Что бы сказал Пушкин, если бы попал в метро? На станцию, к примеру, «Площадь Александра Невского». Представляю, как бы он боялся ступить на эскалатор! Или о машинах думаю, особенно которые несутся с бешеной скоростью. А Пушкину непременно надо на другую сторону перейти. Интересно, испугается он, отступит? А, может, психанёт и разразится отменной руганью. Побежит, маленький, размахивая полами крылатки, прямо в гущу транспорта.

И тут я к нему подойду – кроме меня ведь никому до него нет дела – и возьму за руку: спокойно, мол, без паники, Александр Сергеевич, не дам я вас в обиду. И вот потопаем мы по улицам, через мосты перебираясь. Он радуется, узнавая дома и решётки кованые, вздрагивает от рёва байкерского мотоцикла.

Домой ко мне пойдём, телевизор будем смотреть, в интернете шариться. Устанет бедный, на волю захочет. Тут я вызову такси, и мы на площадь Искусств поедem, к его памятнику. Вот, скажу, Александр Сергеевич, не заросла к вам народная тропа! Всюду мемориальные доски на домах, где вы учились, где бывали.

Он, конечно, разволнуется, захочет увидеть свой домик в Коломне, на Фонтанке, в котором жил после лица. Мы и туда пойдём. Окно его комнаты, выходящее в маленький двор, отыщем. Пушкину, конечно, непременно захочется в свою обитель заглянуть. А как попасть? Да очень просто. Придём в ЖЭК, я скажу: «Вот, Александр Сергеевич желают свои апартаменты лицезреть». Ну, там кто-то живёт, конечно, но Пушкина должны пустить.

Правда, сейчас двойников всяких развелось. Не поверят в него нипочём. А я в него верю. Верю, что могу его встретить. Надо только почаще бывать в тех местах, где он прогуливался. Ну, и в постоянной готовности находиться, чтобы не проморгать его появление.

И с чего мне это в голову лезет? Будто уж я сама, без Пушкина, не могу оторваться от повседневной суеты, отправиться куда-нибудь, мир посмотреть.

Могу, конечно, да скучно как-то. Другое дело – путешествовать в компании с Пушкиным! Везде побывала бы, смотрела бы на мир его агатовыми глазами. А так сижу одна, читаю, записываю набегающие мысли, в ящики с экранами гляжу часами.

Где вы, Александр Сергеевич?! Выручайте!

Опять я в Тригорском. Хожу по аллеям, читаю знакомые надписи на табличках, забираюсь в большие дупла, смотрю с холма на Сороть. Там удобная скамейка, можно раскинуться и с высоты окрестности обозреть. Вот крутой бок городища Воронич с новодельной церквухой, а слева змея Сороти изгибы вьёт. Солнце палит во все орудия, так жаром и заливает.

Пойду-ка я, в парковую тень спрячусь. Везде жара, а тут, под деревьями, прохлада. Посмотрела на ель-шатёр – и сразу же дождь полил. Я спряталась, сухо, хорошо. Постою-ка я, пережду дождь.

Вдруг гляжу – на мне крестьянская одежда. Будто я девка крепостная у господских барышень в услужении. А от баньки двое бегут: он в белой рубаше, распахнутой на груди, она – в размахайке розовой до пят, сбоку подол прихватила и скачет следом. Хохочут, она туфлю потеряла, идти не может, так он подхватил её на руки и несёт под ель, прямо ко мне. Ну, думаю, увидят меня, сконфузятся. Хотела уже под дождь выбежать, а они вдруг рядом оказались, на меня и не смотрят.

Глянула на них искоса – так это же Пушкин с хозяйской племянницей. Он тоже на меня так коротко глянул, как будто подмигнул и вроде как улыбочку сделал такую специальную. Мол, помню я тебя, помню. Как ты меня по Петербургу водила, от машин спасала. Всё помню, но сейчас мне недосуг.

Племянница же – её зовут Алина – та в упор меня не видит. Вот, значит, думаю, только с Александром Сергеевичем у меня такой духовный контакт. А она возьми да скажи: «Палашка, носи мою накидку, а барину – его сюртук, да поживее!».

Вот те раз! Значит, мне это всё снится... А может, не снится, и надо бежать, а то гневаться начнут? Мчусь к дому, а Алина вслед: «Куда, дура, всё ведь в бане!». И тут мне стало обидно. Пусть это сон, ну, с этой самой Алиной – всё во сне. А с ним-то как? Ведь я вижу, что он меня признал. Или он Палашку признал, а не меня? Тогда к чему эта специальная улыбочка? К чему подмигивание?

Оглянулась, а он следом устремился, барышню под ёлкой оставил и меня нагоняет. Сейчас, думаю, всё и решится. Спрошу его прямо: «Помните ли вы, Александр Сергеевич, как мы с вами на квартирку вашу ходили, как ваш памятник смотрели?».

Только рот раскрыла, он меня за плечо обнял и губами тянется. Не-е, это он к Палашке чувства имеет, я тут ни при чём. Отмахнулась так сердито, а он мне: «Светлое сердечко моё, голубица, не ревнуй ты меня к ней... Ты же знаешь, что в долгах я кругом, а её тётушка меня постоянно выручает в расчёте на благосклонность к их семейству. Ну, не дуйся, тебе, ей богу, это не к лицу. Поцелуй-ка меня, пока мы одни».

А мы действительно в банные сени зашли, никто нас не видит. Что же делать, думаю, поцеловать что ли? Тогда я получаюсь Палашкой, но этого не может быть. А вот возьму и скажу...

Тут Александр Сергеевич мне рукой рот прикрыл и так грустно, с усмешкой горькой проговорил: «Знаю, знаю, о чём вы, Пелагея Никитишна, думаете. Что я всё забыл, совесть потерял, что я ветреный и сердца не имею. Так вот, поверьте мне, я всё прекрасно помню, как вы меня спасли, когда рядом ни одной родной души, как мы с вами гуляли вместе. И окошко во дворе – окошко-то помните? Я никогда не забуду». Развернулся так пружинисто и в дверь винтом, косяки задевая.

Я – следом, руками воздух хватаю, хочу крикнуть, что не сержусь и не ревную, и пусть я Палашка, пусть мне всё это снится, но я поцелую его, поцелую...

Но его уж нигде нет. Дождь кончился, люди отовсюду повылезали, фотоаппаратами щёлкают, друг друга фотографируют на исторических фонах, тетеревами болбочут.

– Это банька, первоначально реконструирована в 1952 году, после чего претерпела несколько перестроек, два раза горела, но нижние камни фундамента подлинные – завлекающим голосом вещает экскурсовод.

А я иду мимо шатровой ели, с ветвей которой ещё стекают редкие слезинки, мимо солнечных часов, показывающих на георгины – значит, три часа дня – мимо пятисотлетнего дуба на могильном кургане, мимо яблоневого сада, зеркального прудика с опущенными в него ветками ивы – прямиком на стоянку. Щелчок – и все двери открыты. Через минуту я выезжаю из литературно-исторического музея-заповедника «Тригорское», не думая ни о чём. Да и о чём думать, о чём грустить? Ничего ведь не случилось – просто не узнал он меня...

Мы стоим здесь с незапамятных времён. Сейчас даже трудно вспомнить, кто первым появился. Столько их было! Стольких мы проводили... Зимы и вёсны сменяли друг друга, складываясь в годы, столетия. И век наш давно прошёл, а мы всё ещё живы. С приближением каждой зимы мы думаем, что она последняя, и, впадая в привычную дрёму, вспоминаем множество событий, сотни и сотни лиц.

Среди них всегда Он. Хотя прошло уже много лет, но Его мы помним, как будто это было вчера. Другие лица, гораздо более поздние, порой заслоняют родное лицо, и мы пугаемся, что забыли Его. Особенно часто это бывает весной, когда свежие соки пробуждают нас из зимнего небытия, и мы ощущаем необычайный прилив молодости. Так хочется жить, радоваться настоящему и не думать о будущем!

И тогда мы вновь видим Его — бегущего, с мокрыми от росы ногами, в расстёгнутой белой рубашке, — а за ним, на разные голоса: «Саша, Сашенька, да уймись же ты, простудишься, чай не лето...». А мы, ещё совсем юные и тонкие, подбадриваем его, касаемся смуглых щёк, щекочем.

Летом кажется, что всё ещё может обернуться к лучшему, силы не покидают нас, и хотя внезапные бури порой снимают свою чёрную жатву, и не все из нас встречают рассвет, зато каждый день — как подарок. Мы гордо смотрим на молодых и неопытных, трепещущих на ветру, и на все их язвительные насмешки отвечаем: «Зато мы Его видели! Мы, последние из ныне живущих, кто видел Его!».

Мы видели Его, стремительно идущего по нашей аллее, не сводящего воспалённого взгляда с тонкого, пропадающего в сумерках силуэта. И сейчас порой мы перешёптываемся по ночам: «Ты помнишь, как однажды Он сбежал с крыльца и с сияющим лицом... Конечно, Он прошёл так близко от меня... Мне даже показалось, что...».

Но осень подкрадывается незаметно, утренними заморозками холодит душу, пугает призраком безвременья, но обещает покой. И тогда мы стоим, укутанные в саваны промозглого тумана, уже готовые ко всему. Мы стоим, почти застыв, растеряв своё огненное убранство, и тихонько баюкаем: «Спи, не горюй, всё ещё вернётся, всё ещё у тебя будет, соколик мой родной...». Или это голос Его няни успокаивает измученную душу, изболевшееся сердце? Сейчас уже не разобрать...

Вот в зимних сумерках при блеклом свете качающихся фонарей Он садится в экипаж, напоследок бросает на нас — на нас!!! — грустный, всепрощающий взгляд и исчезает с мерным звоном колокольчика. Теперь уже навсегда...

Шелест деревьев записан в сельце Михайловское.

Второе место

Шейн Анатолий Карлович,

г. Москва (Россия),

пенсионер

Тяните билет, голубчик

Огромный высокий зал, резной узорчатый паркет, от хрустальных люстр стекает море света. Все в парадных костюмах. Впечатление, будто сейчас выйдет старик Державин и, по обыкновению, кого-нибудь благословит¹.

Длинный стол, покрытый зеленым сукном, с одной его стороны какая-то вроде комиссия, и вообще всё очень похоже на экзамен. Перед комиссией списки с фамилиями, а поближе к свободному краю стола скорее всего билеты.

*Еще есть стакан и есть бутерброд...*². Обстановка вполне праздничная.

- Ну-с, господа, начнем экзамен. У нас сегодня не какая-нибудь гуманитарная дисциплина, не математика ваша, где все построено на бездоказательных аксиомах. У нас Литература! Наука, требующая точных знаний, безупречной логики, здесь каждое утверждение требует доказательств. Кто решится первым? Так я и думал – Нисенбаум, как обычно. Тяните билет, голубчик.

- Билет № 6. Первый вопрос. Привести пример к словам Достоевского - «Вся русская литература вышла из Гоголевской «Шинели».

- Будете отвечать без подготовки? Похвально, Нисенбаум. Слушаем Вас.

- Уважаемый Профессор, уважаемая комиссия. Таких слов, какие указаны в билете, у Достоевского нет. Пиарщики посмертно приписали. Как и Чехову приписали слова, что нет такого предмета, который не сгодился бы еврею для фамилии. И Фаине Георгиевне тоже много чего посмертно приписали, чего она не говорила никогда. Поэтому прошу предоставить другой билет.

- У Вас в билете № 6, господин Нисенбаум, имеется задание - привести пример влияния Гоголевской «Шинели» на более позднюю литературу. Про Чехова, про евреев и про Раневскую расскажете, когда будете поступать во МХАТ. А сейчас – приведите, пожалуйста, пример. Другого билета не будет.

¹ предположение маловероятно, Гавриил Романович Державин ушел из жизни в июле 1816 года в возрасте 73 лет. За полтора года до даты ухода благословил поэтов-лицензистов на их выпускном экзамене в Царскосельском лицее, 8.1.1815 (прим автора)

² «Есть стакан и есть бутерброд, чтобы не стошнило. И есть душа, пока ещё чуть приоткрытая для впечатлений бытия» (В.Ерофеев, поэма «Москва-Петушки»)

- Понял. Привожу пример. Булгаков переписал сцену прихода тьмы, накрывшей несчастный измученный Ершалаим, именно из «Шинели», с гоголевского описания смерти несчастного измученного Башмачкина.

- Что, вот так взял и переписал? Вы уверены? Плагиат, полагаете?

- Скорее не плагиат, а восхищение Учителем. Послушайте!

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна..... Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете ...

А вот «первоисточник»

Акакия Акакиевича свезли и похоронили. И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное....

Как видите - прямое копирование. Булгаков боготворил Гоголя, потому и списал, слово в слово.

- Любопытна, Нисенбаум, Ваша гипотеза. Возникает вопрос - откуда вышла, в таком случае, русская литература, если не из «Шинели»?

- Русская литература жива была и в доШинельный период. Полагаю, что все началось с радищевского «Путешествия». Вот что пишет Александр Николаевич в самом его начале - *«Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее».*

Мог ли Пушкин, отправляя в дорогу Петю Гриневу, не продлить эту мысль – эпиграфом каждой главы «Капитанской дочки» выбраны слова из народных песен. Народных песен, в которых отражена суть душевной скорби величайшего разбойника Емельяна Пугачева и бессмысленного и беспощадного народного бунта. Образ этого бессмысленного и беспощадного бунта будет повторен потом и Гоголем в посмертных поступках Акакия Акакиевича, беспощадно и безо всякого смысла преследующего горожан и срывающего с них шинели. Так что, смею утверждать, русская литература вышла из «Путешествия» и «Капитанской дочки», которые в определенном смысле – единое произведение.

Если точнее - русская литература началась с замены архаичного языка Радищева на современный язык Пушкина.

Вот Радищев: *«Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда, в разных смыслах как оно приемлется далеко еще отстоит величия. Поезья было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень».*

А вот Пушкин: *«Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»».*

Именно этот эпизод в «Капитанской дочке» задаёт путь развития русской литературы – буран как природное отображение Пугачевского бунта и описание первой встречи с разбойником. И еще заключительная сцена в «Борисе Годунове» - *«Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. / Народ в ужасе молчит. / Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович! / Народ безмолвствует».*

Отсюда вышла русская литература о Государстве Российском, о его судьбе. А с «Шинели» началась литература о Человеке в государстве – пусть даже о самом мелком и ничтожнейшем человечке, какового только в микроскоп и можно разглядеть. И дальше в этом диапазоне развивалась вся последующая русская литература, и в слиянии этих начал были явлены такие вершины, как, например, «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана.

- И доказать можете последующее произрастание или как Вы называете, копирование из этих «первоисточников»?

- Доказательств немало. Сюжетная линия Маргариты скопирована Булгаковым с линии дочери капитана Ивана Миронова. Маша Миронова с ее преданностью единственному мужчине добралась до высочайшей власти, чтобы спасти своего избранника из неволи, добилась высочайшего императорского участия и прямого распоряжения. Булгаков в точности переписал эту линию — Маргарита вызывает своего любимого через прямое покровительство и распоряжение самой влиятельной силы. Но Булгаков отзеркаливает историю — Высшая сила является не в женском облике, а в мужском, не как сила добродетельная, а как злонамеренная, не реальная, а inferнальная. И спасенные герои у Булгакова не остаются жить, а уходят в загробный мир. Такая зеркальная точность не может быть случайным совпадением. Это прямое копирование.

- То, что Вы нам сообщили, довольно спорно, хотя ответ на первый вопрос принят. Комиссия не возражает? В таком случае - что у Вас еще в билете?

- В билете № 6 - второй вопрос. «Загадки литпамятников»

- Интересно, Нисенбаум, что Вы выберете. Слушаем.

- Из поэтических загадок я бы выбрал строку Бродского

«...И увидел две жизни, / далеко за рекой / к равнодушной отчизне / прижимаясь щекой...».

Какие «две жизни» и почему «далеко за рекой»?

Остановимся и отметим прямую цитату из Мандельштама –

*«...И опять к равнодушной отчизне / Дикой уткой взовьется упрек/ Я
участвую в сумрачной жизни, / Где один к одному одиноч!»*

Как уже ранее утверждалось – прямое копирование (в данном контексте – цитирование).

То есть один прообраз – Мандельштам. А второй, не удивляйтесь, – Пушкин. Потому что Пушкин получил смертельное ранение у Черной речки, а Мандельштам умер в лагере на Второй речке на Дальнем Востоке.

Две жизни великих предшественников, погибших молодыми в расцвете жизни и таланта, объединенных такой печальной географией.

В прошлый понедельник мне довелось проходить по набережной реки Мойки и прочесть на стене дома, окрашенного светлой охрой, на мемориальной доске – «В этом доме 29 января 1837 года умер Пушкин». На экране моего мобильного была та же дата – 29 января 2024 года. Мимо проходят люди все эти 187 лет.

*«Словно девочки-сестры / из непрожитых лет, / выбегая на остров, / машут
мальчику вслед».* Из их непрожитых лет две жизни великих поэтов, схожие как сестры, благословляют начинающего поэта на его тоже непростую поэтическую судьбу. В год написания этих строк Бродскому было 22 года.

Такова, вероятно, разгадка этих строк – *две жизни*, увиденные Бродским далеко за рекой, это Пушкин и Мандельштам, трагическую судьбу которых разделило столетие.

- А из загадок в прозе что выберете?

- Выберу начало поэмы «Москва – Петушки». Между прочим, по форме и построению - продолжение «Путешествия из Петербурга в Москву» (это к вопросу о преемственности, копировании и цитировании). Культовая цитата – *«Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелюги, проходил я по
Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало
– и ни разу не видел Кремля».*

Вопрос – почему именно так - с севера на юг, с запада на восток?

Отвечу – посмотрите на карту Москвы и совершите правой рукой это движение – с севера на юг и с запада на восток. Да, Вы поняли – в ожидании всей этой предстоящей чертовни автор осенил город крестным знаменем, благословил своего героя на трагическое путешествие. В атеистической идеологии невозможно было прямым текстом указать на желание автора перекрестить город. Пришлось прибегнуть к зашифровке. Вот и разгадка, казалось бы, не слишком важных слов. За треть столетия до этого нечто подобное совершал Иван Николаевич Понырев, пытаясь победить в той же Москве

нечистую силу свечечкой и бумажной иконочкой. До сих пор бытует утверждение, что путь его стремительного забега с Патриарших на стрелку Москва-реки и обратно к «Грибоедову» – зашифрованное изображение креста. Но нет – прорисовка показывает, что креста это путешествие не дает.

- Спасибо, со вторым вопросом разобрались. Но, прежде чем перейти к завершающему вопросу, позвольте узнать Ваше личное мнение о Пушкине. Не стесняйтесь, на оценку Ваших знаний это не повлияет. Поделитесь мнением?

- Охотно поделюсь, хотя оно и не совпадает с общепринятым. Гениальный поэт, обожающий стихосложение, наслаждающийся стихосложением, умеющий выразить в стихах что угодно и виртуозно, совсем не любил писать прозу. Его проза схематична, женские образы плоски и не объемны. В «Барышне-крестьянке» еле дотянул до финала, с облегчением бросил на точке кульминации, даже не дописав развязку. Сидел в долгах, чисто конкретно нужны были деньги, приходилось писать для барышень в глянцево-журналы, *безо всякого удовольствия*. То ли дело поэзия! Здесь он купается, плавает всеми стилями, на любой глубине, вылетает из воды и, *весь в синих молниях*, возвращается в родную среду обитания. «Маленькие трагедии» - недостижимая и поныне вершина. «Повести Белкина» - по замыслу те же маленькие трагедии, но ведь даже и сравнивать невозможно.

А еще я хотел бы добавить цитату из ранее упомянутой поэмы – *«Почему-то никто в России не знает, отчего умер Пушкин, а как очищается политура – это всякий знает»*³. И еще – *«Все с Пушкина и началось. К нам прислали комсорга Евтюшкина...»*. И далее – *«А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?» А он огрызается: «Да каких там еще детишек? Ведь детишек-то нет! При чем же тут Пушкин!» А я ему на это: «Когда они будут, детишки, поздно будет Пушкина вспоминать!» И вот как-то однажды я уж совсем перепилась. Подлетаю я к нему и ору: «Пушкин, что ли, за тебя детишек воспитывать будет? А? Пушкин?». Он, как услышал о Пушкине, весь почернел и затрясся: «Пей, напивайся, но Пушкина не трогай!».*

И опять мы возвращаемся к вопросу о первоисточниках, поскольку у нас тут такой литературный разговор (как выразилась женщина в берете, вероятно единственный в русской литературе персонаж, пострадавший из-за Пушкина. Никакого первоисточника у этого персонажа пока не обнаружено).

Веничка Ерофеев в поэме – реинкарнация Пети Гринев. Ни больше и не меньше! Петя Гринев – первый в русской литературе выпивший до беспамятства

³В нынешнее время, увы, рецепт очищения политуры почти утрачен. Напоминаю – всыпать в политуру соль в соотношении 1 к 10, сильно и долго взбалтывать, дожидаться, когда выпадет осадок, жидкость использовать для приготовления «Ханаанского бальзама» (прим – автора).

положительный герой, а Веничка – последний, доведенный автором до наивысшей стадии эволюции на пути пьянства. Не трогать Пушкина! С его героя начался прекрасный путь описания алкоголизма в русской литературе! Именно так у Ерофеева – *Всё с Пушкина и началось*.

Поэтому - руки прочь!

В общем, Ерофеев улыбнулся Пушкину. Нельзя же быть слишком серьезным. Пушкин тоже выпить не всегда отказывался. При жизни бронзовым памятником у кинотеатра не был. Вот такое личное мнение. Кстати, и по части...

- Остановитесь, Нисенбаум. Спасибо за откровенность. Уважаемая комиссия, при оценке знаний личное мнение экзаменуемого во внимание не принимаем. А теперь признайтесь, голубчик, судя по Вашей оценке пушкинской прозы «Пиковую даму» Вам читать не довелось?

Нисенбаумм вздрогнул. *Старуха?,- закричал он в ужасе...*

Это похоже было на поединок. Глубокое молчание царствовало кругом.

Профессор *потянул к себе* экзаменационные билеты. Казалось, что руки его чуть дрожат. Взял в руки билет Нисенбаумма и медленно прочитал третий вопрос: «Великие женщины, влюбленные в Пушкина». Прочитал так ласково, словно произносил на театральной сцене *«Дама ваша убита»*.

=====

Тут вагон резко дернулся, и я проснулся. Ощупал чемоданчик. Это что за остановка? Станция Астапово? Обираловка? Черная Грязь? Или снова Курский вокзал? Чего только не привидится после хереса. И почему именно Нисенбаум мне приснился? Надо у Веры Павловны спросить к чему евреи снятся, может к революции? *Вдруг зашел Савельич и ахнул: «Что это, сударь с тобою сделалось? – сказал он жалким голосом, - где ты это нагрузился? Ахти Господи! отроду такого греха не бывало. Рано, Петр Андреич, рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел?»*. Однако, я не дослушал его нотации и опять провалился в сон, *которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое.*

=====

На этот раз приснилась мне Раневская, позвонившая Ахматовой – «Аня, мне приснился Пушкин». И услышала в ответ – «Немедленно выезжаю». Жили они по соседству – на Большой Ордынке, дом 17 и в высотке на Котельнической, на такси один рубль. «Фуфа, рассказывай все очень подробно», - потребовала Анна Андреевна сразу по приезду.

«У меня была бессонница, я выпила снотворное, потом еще и еще. И вдруг оказалась на бульваре, и впереди меня шел Пушкин, в сюртуке и в цилиндре, с тяжелой тростью. Осенний ветер заметал желтые листья, Пушкин удалялся,

и я помчалась к нему с криком – Сашенька! Пушкин! Не уходи! Это я, Фаня Фельдман, я люблю тебя! Ты даже не представляешь, как я тебя люблю! А он словно не слышал и все уходил вниз по бульвару. А я все бежала за ним. И вдруг он остановился, посмотрел на меня так внимательно и с расстановкой сказал – «Как же ты мне надоела со своею любовью, старая б..., отстань от меня».

А мне все равно не хотелось просыпаться, так я его люблю».

=====

Не хотелось просыпаться и мне. Снилось, будто вижу и слышу вперемежку этих людей, не разбирая кто из них реальный, а кто выдуманный. Голубчик Нисенбаум уходил вдаль по лунному лучу света в темном царстве с Дашей, женщиной сложной судьбы (со шрамом и без зубов), с Акакием Башмачкиным, Хлопушей, Ваней Бездомным и несколькими совершенно лишними людьми (Чацким...?), и читал негромко, слегка нараспев, совсем уже какую-то несуразицу:

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп. Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость, в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана.

=====

И дальше снилось, будто брожу по городу ранней весной и слышу в такт перестуку колес - *«Я шагаю по Москве, / Как шагают по доске. / Что такое — сквер направо / И налево тоже сквер. / Здесь когда-то Пушкин жил, / Пушкин с Вяземским дружил, / Горевал, лежал в постели, / Говорил, что он простыл / Кто-то - я не знаю кто / А скорей всего никто, / У подъезда, на скамейке / Человек сидит в пальто. / Человек он пожилой, / На Арбате дом жилой - / В доме летняя еда, / А на улице - среда / Переходит в понедельник / Безо всякого труда / Голова моя пуста / Как пустынные места / Я куда-то улетаю / Словно дерево с листа».*

=====

Какую оценку Нисенбауму за экзамен поставил Профессор, я так и не узнал. Не пью с той поры на ночь ни херес, ни кориандровую, вот и не снится мне больше школьная программа по литературе.

Третье место

Яралов Сергей Андреевич,
г. Москва (Россия),
Свободный художник

Лестница чувств (Автобиографическая повесть, превращенная действиями журнального редактора в короткий рассказ)

6 января 2024 г.
Для К.Б.

«Выражение «лестница чувств» принадлежит Пушкину. Оно завершает конспект плана не написанной им, к сожалению, статьи о русской народной песне. (...)

Рискну сформулировать пушкинскую характеристику лестницы чувств, своего рода закон лестницы чувств. «Национальное своеобразие русской народной лирики выражается в том, что в традиционной необрядовой песне одни чувства постепенно, как по лестнице, сводятся к другим, противоположным»».

Валентин Берестов
«Лестница чувств». М.: Вагант, 1996.

Шел мелкий дождь. Я стоял перед ступеньками магазина. Рюкзак, камуфляжные брюки, гипс, костыли.

Из магазина вышел в хорошем явно дорогом костюме мужчина непоздних средних лет с однозначно позвякивающим пластиковым пакетом и двинулся в сторону убедительного автомобиля глубокого черного цвета.

Я оказался на траектории его движения. Быстро отойти и уступить дорогу с моими костылями не получалось.

Он остановился. Внимательно, с серьезной понимающей грустью посмотрел на меня.

– Тоже за спиртным?

– Угу.

Вынул пачку сигарет, без слов протянул мне.

– Спасибо.

Быстро взять сигарету тоже не получилось. Сначала нужно было освободить руку от костыля, перенести вес тела на здоровую ногу, аккуратно, чтобы не упал, прислонить костыль к груди, и только потом...

– Донбасс?

Вопрос прозвучал как утверждение.

Я на мгновение задумался.

Я, наверное, мог бы много рассказать ему о Донбассе.

О полях, аккуратно расчерченных ровными лесополосами тополей.

О ровной дороге через эти поля, которая уходит прямо в небо.

О длинном-длинном горизонте, который безжалостно пересекает дорогу, образуя с ней крест, нательный крест этой Земли.

О белоснежных склонах пологих холмов – выходах меловых пород, обеспечивающих бесперебойно мелом все школьные доски в окрестностях и за их пределами.

О разноцветных ульях передвижных пасек, которые вывозят штабелями на подсолнечные поля большие длинные грузовики, подобные океанским контейнеровозам.

О рукотворных горах – терриконах, похожих на древние пирамиды, невозможно правильной конической формы.

О вереницах старых камазов, груженных под завязку недлинными бревнами – крепями для угольных шахт.

О шахтах, которые выглядят как города.

О гигантских страшных стальных членистоногих – коперах, грейферах, грохотах, козловых кранах и других обитателей этих городов.

О том, что отражение света закатного солнца от свежего скола угля имеет кроваво-красный цвет.

О комбайнах, которые, если выезжают на трассу, то перекрывают своей огромностью движение в обоих направлениях.

О немногословных коренастых людях, в больших руках которых поллитровка водки выглядит как аптечный пузырек.

О...

Да, я, наверное, мог бы много рассказать ему о Донбассе.

Но, скорее всего, в своем вопросе он имел в виду нечто другое.

Поэтому я ответил:

– Нет. С лестницы на даче. Чистил крышу.

Его рука с сигаретной пачкой, не добравшись до меня, резко изменила направление движения. Пачка без потерь вернулась в карман недешевого пиджака. Он разочарованно и презрительно сплюнул и, обогнув меня, быстрым шагом направился к своему лимузину.

Мне стало грустно от того, что я без всякого злого умысла расстроил незнакомого и, скорее всего, хорошего человека. Ему, наверное, было бы намного приятней, если бы оказалось, что я подорвался на mine, или был ранен пулей.

Размышляя об этом, я вернулся к своим делам. Мне предстояло преодолеть 6 мокрых ступенек на пути к двери магазина. А потом еще столько же назад. Перил не было.

**Номинация
«Лучшее стихотворение»**

Первое место

Кудрявцев Виктор Васильевич,
г. Рудня (Россия),
пенсионер

Сквозь прорехи
в порозовевших кронах деревьев
призывно блеснул
купол Святогорского монастыря.

Брат Виктор,
как назвался
аскетичного вида монах,
встреченный мною
за воротами обители,
показал дорогу
к месту последнего упокоения
раба Божьего Александра.

Поднявшись
по довольно крутым ступенькам
на вершину холма,
я оказался рядом с памятником,
знакомым
ещё по рисунку
из старого школьного учебника.
Поклонившись,
присел на одну из скамеек
у парапета.

Рассветало.
Внизу, за деревьями,
начинался новый,
такой обыденный день:
пели невидимые мне петухи,
мычали коровы,
весело переговаривались бабы,
ведущие их за околицу.
Всё, как и сто пятьдесят,
и двести лет назад.

Если бы не шум
проезжающих изредка автомобилей,
можно было подумать,
что на календаре у нас –
девятнадцатый век,
что время здесь,
рядом с Пушкиным,
остановилось.

Я почти физически ощущал
его незримое присутствие,
думая только о том,
как бы задать
Александру Сергеевичу
столько лет
мучивший меня вопрос.

Первые лучи солнца –
тёплого,
живого,
вечного –
попились на мои руки,
на скамью,
на кованую решётку ограды...
Из-за угла храма
своею стремительной походкой
с развевающимися полами
любимого
тёмно-коричневого
с отливом
сюртука,
с тяжёлой тростью в руке,
выбежал поэт
и, приподняв цилиндр,
попросил позволения
присесть
рядом со мной.

Пару минут помолчал,
придирчиво
изучая надпись
на памятнике,
тряхнул курчавою головой,
улыбнулся.

А потом,
поворотив ко мне
обжигающе-некрасивое,
прекрасное лицо,
тихо произнёс:
– На свете счастья нет,
а есть покой и воля...
Вы ведь, сударь,
об этом
изволили думать?!

Второе место

Тарасова Елена Николаевна,

г. Ногинск (Россия),

сотрудник Центра оказания услуг органам местного самоуправления

Богородского городского округа

РОСЧЕРК ПЕРА

Росчерк пера – завиток её локона.

Света стервятники – около, около.

Липкие взгляды, скабрёжности, шёпоты.

Дети, расходы, домашние хлопоты.

Жёнка, Мадонна, земная, небесная.

Тяжкая доля поэта известного

Спутницей быть. Но и мне ведь не патока.

Чин камер-юнкера – каторга, каторга!

Легче бы в ссылку. Цензура, да чтоб она...

В клочья душа, наживую заштопана.

Няня, зима. Кровь рябины под марлями.

Что там, за пологом? Много ли? Мало ли?

Плавится воск, убаюканы четверо.

Не изменить то, что нам предначертано.

Значит – дуэль (три десятка их выстоял).

Выстрел, и выстрел, и... Ныне, и присно, и...

Третье место

Кириллова Елена Николаевна,

г. Томск (Россия),

доцент Томского государственного педагогического университета

ЧИТАЯ ПУШКИНА

... И снится чудный сон Татьяне –

И до, и после бытия.

В пласты нетленного романа

Тревожно всматриваюсь я:

Всё тот же лес, и то же поле,

Избушка посреди дорог.

И снова чья-то злая воля

Приводит Таню на порог,

Где маски скачут и хохочут,

Дерутся, празднуют и пьют.

Проснуться? Страшно среди ночи.

А вдруг – догонят и убьют?

Кривляясь, строят злые рожи

И к стёклам лепятся вослед...

Всё, Александр Сергеевич, то же,

Что прежде – а героя нет,

И нет счастливого исхода.

И дремлет, дика и странна,

Укрывшись белым одеялом,

Россия – снежная страна.

**Номинация
«Лучшая рецензия»**

Первое место

Возилкин Даниил Васильевич,

г. Томск (Россия),

студент Томского государственного университета

Евгенияльный «Онегин»: рецензия на фильм «Онегин» (2024)

В конце XIX-го века братья Люмьер подарили нам кино. В начале XXI-го века другие братья, Сарик и Гевонд Андреасяны, это кино решили монетизировать самым нещадным образом, абсолютно не заботясь о качестве производимого, несколько раз обманув нас своими уходами и возвращениями.

Чем только они не радовали нашего брата: русские мстители, русский хоррор (в качестве продюсеров), хмурый Нагиев, Нагиев-маньяк, постный Броуди и куча комедий (иногда с Нагиевым). Такая куча, что до сих пор мы хохочем и утираем упитанные от этого всего щеки.

И вот, «успешно» натворив в каждом киножанре, братья взялись за экранизацию классики. Режиссер с такой богатой предысторией — генетическая предрасположенность фильма. Пушкин, будучи дальним-дальним родственником картины, не смог пробиться своими рецессивными дореволюционными генами сквозь творческую призму братьев Андреасянов.

Кризис среднего возраста

Только ленивый еще не поныл о том, что Онегин выглядит на 45+. Оскуфел! Добронравов (актер главной роли) буквально с сединою на висках. Я не мог сдерживать смех, когда он говорил: «Ну я еще молод... Ах, как же я молод». Он, видимо, не только оскуфел, у него наверняка возрастная регрессия! Ай да Сарик, наверное, тоже изучал инклюзивную культуру современного общества.

Режиссер оправдывался тем, что вот были раньше люди, а сейчас измельчал человек: «Жизнь и возрастные критерии сильно изменились, и прежние 25 лет — это сегодняшние 40».

Допустим, но вы ведь снимаете не Онегина в современных реалиях, время действия, как и в оригинале, — первая половина XIX-го века. Так что довод неуместен. Вы просто рассчитывали на целевую аудиторию в возрасте, потому что, по вашему мнению, подростки ничего не читают, а только свои тик-ток смотрят.

И снова мимо, в нынешних реалиях молодой зритель готов ходить на экранизацию классики, пример с «Мастером и Маргаритой» — тому

доказательство. Так что, не дурите нас своими мнимыми доводами, вы просто рассчитывали на других зрителей. Или вообще на пожилых людей, для которых сорокалетние — действительно молодежь.

Нарратив

Точнее, нарратор. Тут, в принципе, все упирается в феномен экранизации книги. «А добавим-ка мы закадровый голос, который будет зачитывать порой фрагменты из книги. Нам же так лень показать, а не рассказать». Я не киноэксперт, но насколько я могу судить, это уже проело плешь.

Так как же мы переведем на киноязык не просто роман, а роман в стихах (!), что важно для первоисточника? Добавим туда нарратора в костюме Пушкина с Невского, который будет объединять наши разноросные фрагменты в цельное повествование. Замечательно же! Что? Пушкинские отступления? Да кому они нужны!

Смотрите:

- *Онегин хандрит* → *выходит Пушкин и говорит, как же он хандрит!*
- *Татьяна сидит нелюдимая* → *персонаж говорит: «Вот Татьяна-то у вас нелюдимая!»* → *выходит Пушкин и говорит, какая же она нелюдимая!*

«Пушкин» даже не объединяет отрывки, не раскрывает дополнительную информацию, он просто подытоживает то, что нам и так уже показали. Зачем? Ну, это же Пушкин, наше всё.

В итоге фильм не переносит полноценно на экран роман в стихах, а ко всему добавок он и сюжет не может показать адекватно.

Дело в том, что фильм как экранизация плох, а как самостоятельное произведение — тем более, потому что сюжет держится исключительно на формуле «так в книге было». Нам не раскрыли Онегина. Почему он скучает-то? Почему ему весь свет опостылел? Да потому что Пушкин так сказал!

Ленский

Тоже отдельная тема. Ему, кстати, как и в романе, 18 лет (на могиле годы жизни), только выглядит он, во-первых, как раз на 25 лет, а во-вторых, «Кудри черные до плеч» обстриглись в модненькую стрижечку в местном барбершопе, и Ленский из романтического образа превратился в чечика, тубика и даже далеко не масика. Так, где лед и пламень? Где циник-реалист и романтик? Нам показали скуфа и чечика, которые не могут определиться с альтушкой. Денис Прытков совершенно выбивается из роли. Ленский как персонаж должен производить

впечатление на зрителя. Такое чувство, что для этого фильма актера подобрали так, чтобы его наоборот не жалко было застрелить.

Пушкин сказал: «Они сошлись, как лед и пламень», а значит нам не нужно раскрывать полярность образов. Один — молодой, а второй — еще моложе. Ленский два раза обиделся на Онегина за то, что тот его чуть поддел и все! Потребляйте сюжет «от дружбы до вражды», вам же все сказали.

Техническая часть

Я удивляюсь тому, как отечественные кинотворцы не могут снять природу. Я не знаю, может, у меня такое восприятие. Но наша природа, которая обойдет все остальные и гордо споет «Я русский», на экранах выглядит, как речушка у меня на даче. Сосновый бор, березовые рощи, поля и реки — все выглядит как лесополоса в пригороде. Вечные засветы и пересветы, смотреть тяжело.

Как вы понимаете, к технической составляющей тоже есть претензии, о них кратко:

Музыка — обыкновенные скрипочки. Но почему-то, когда Татьяна пишет письмо или Онегин пишет письмо, играет музыка, как будто доктор Роберт Оппенгеймер голыми руками обогащает урановую руду. Лиризм ситуации заменили на пафос. Зачем-то.

Постановка. Да на выпускном мы танцевали вальс более синхронно, чем в этом фильме. Сцены снов выглядят странно. Как нам показать, что это сон? Картинка будет такой мыльной, что игры на PlayStation1 будут выглядеть четче. Вместо света луны будет какой-то прожектор. Авторы вообще не имеют понятия, как им передать онейрическое пространство.

Монтаж тоже оставляет желать лучшего. Из запомнившегося отчетливо:

- Персонаж идет сквозь десяток-другой вальсирующих пар – склейка – он в полупустой зале, хотя еще даже не прошел сквозь.

- Онегин заряжает ружье → Татьяна идет по лесу → Онегин вскидывает ружье → лицо Татьяны и звук выстрела. Я так и ждал, что он сейчас застрелит её, и фильм пойдет альтернативным путем. Но нет.

Орфография. Буквы появляются: письмо Татьяны, стихи Ленского, могила Ленского, письмо Онегина. Поискать хотя бы книгу Пушкина с дореволюционной орфографией? А давайте просто в конце слов мы поставим «ер» (я думаю, они даже не знают про «ер», а просто — «твердый знак») и чего нам париться! И все равно, что «Ленский» писалось как «Ленскій» и далее-далее-далее.

Пара приятных слов

Фильм, разумеется, не лишен достоинств. У фильма хорошие декораторы и костюмеры, но смотреть два часа двадцать минут только на костюмы франтов и их поместья – довольно утомительно. Операторская работа не вызвала никаких претензий во время просмотра, что само по себе является плюсом в данном случае. Но всё это не перевешивает недостатков фильма.

Экранизация литературного произведения – дело непростое, особенно, Пушкина. Зритель не готов к коренным изменениям в знакомой со школьной скамьи истории, поэтому любой эксперимент – заведомый риск. С другой стороны, поставить такой фильм, чтобы он хотя бы слегка дотягивал до оригинала, под силу не каждому режиссеру. Именно поэтому такие фильмы снимаются для эксплуатации знакомой, родной истории исключительно с целью заработка. Ай да Сарик...

Второе место

Гребенников Вадим Олегович,

р.п. Нахабино (Россия),

студент Московского государственного лингвистического университета

Книга Г. М. Седовой «Ему было за что умирать у Черной речки»

Казалось бы, сегодня уже не представляется возможным сказать принципиально новое слово в пушкиноведении. Еще в начале прошлого века В. В. Розанов в своей рецензии на книгу И. Л. Щеглова «Новое о Пушкине» иронизировал над ее названием, отмечая, что предпринятые автором сборника статей изыскания «показывают мучительную жажду хоть что-нибудь ухватить там, где очевидно нельзя ничего ухватить». Однако хранильница музея-квартиры поэта на Мойке Г. М. Седова своей книгой «Ему было за что умирать на Черной речке», опубликованной в 2012 году в издательстве «Росток» и переизданной восемь лет спустя, может опровергнуть слова философа, поскольку она освещает те события внешней и внутренней биографии поэта и его близких, которые до сих пор оказывались на периферии внимания пушкинистов.

Своей книгой в целом и выбранным к нею эпиграфом в частности Г. М. Седова словно полемизирует с известным высказыванием Блока о Пушкине: «Мы знаем Пушкина — человека, Пушкина — друга монархии, Пушкина — Друга декабристов. Все это бледнеет перед одним: Пушкин — поэт». Заведующая музеем-квартирой поэта неслучайно предваряет свою монографию словами А. А. Ахматовой: «Мы почти перестали слышать его человеческий голос в его божественных стихах», тем самым сразу обозначая главную цель своего исследования, заключающуюся в раскрытии внутреннего мира Пушкина и рассмотрении творческого пути поэта «сквозь призму его биографии».

Едва ли не первое, что обращает на себя внимание в данной книге, — это названия глав и частей, все из которых представляют собой цитаты из писем поэта и его современников, произведений Пушкина, работ пушкинистов. «Пушкинские» заглавия не только позволяют исследователю глубже раскрыть смысл глав, но и составляют краткую летопись жизни и творческой деятельности

А. С. Пушкина. Так, обратившись к оглавлению книги, прочитавшие ее произвольно смогут лишь по заглавиям глав и частей восстановить жизненный и творческий путь великого поэта.

В своей монографии Г. М. Седова воссоздает широкую панораму русской жизни 1810-30-х годов, привлекая большой корпус воспоминаний современников поэта, их письма и художественные произведения. Так, рассказывая о возвращении Пушкина в Москву из изгнания в сентябре 1826 года, исследователь обращается к воспоминаниям писателя С. Т. Аксакова, прибывшего в старую столицу в одно время с Пушкиным и подробно описавшего свои впечатления от Москвы тех дней, «страшно» гудевшей «в тишине темной ночи».

На страницах книги перед нами предстает целый ряд исторических событий и их годовщин, так или иначе повлиявших на творчество Пушкина. В их ряду следует упомянуть десятилетие суда над декабристами и казни пятерых из них. Воспоминаниями о них, по мнению Г. М. Седовой, были навеяны некоторые образы, которые мы встречаем в стихотворениях, написанных поэтом в тот период. Образ предателя и отступника Иуды из «Подражания италиянскому» мог олицетворять конкретные примеры измены, известные поэту. Например, в этом образе могли быть воплощены бывшие «арзамасцы» Д. Н. Блудов и С. С. Уваров.

Г. М. Седова также примиряет на себя роль тонкого психолога, поскольку, объясняя мотивы определенных поступков и суждений Пушкина, его родных и близких, она всегда принимает во внимание их эмоциональное состояние. Например, в одной из глав автор книги приводит фрагмент письма С. Н. Карамзиной, в котором дочь великого историка подмечала, что на веселом балу, посвященном ее именинам, только Пушкин был «всё время грустен, задумчив и чем-то озабочен». Г. М. Седова, комментируя данное замечание, обращает внимание читателя на психологическое состояние С. Н. Карамзиной, которой в ту пору исполнилось уже 35 лет, а личную жизнь ей так и не удалось устроить. Исследователь справедливо отмечает, что это обстоятельство вполне могло повлиять на ее отношение к окружающим.

Особое внимание Г. М. Седова уделяет кризисным периодам в жизни своего героя. Наиболее подробно исследователь останавливается на последнем духовном и творческом кризисе поэта, обусловленном его повышением до камер-юнкера, в результате чего он ощутил себя частью столь нелюбимой им иерархической системы и почувствовал невероятное желание вырваться из нее и вновь обрести возможность свободно творить. Г. М. Седова использует огромное количество источников, чтобы проникнуть в мысли поэта последних лет и дней его жизни. Благодаря им читатель вместе с Пушкиным переживает

духовные и творческие муки, ощущает неимоверную пустоту в душе, проходит через множество испытаний, связанных с бытовыми проблемами и изданием журнала «Современник», и в какой-то момент получает надежду на выход из кризиса.

Следует особо отметить, что в книге значительное внимание уделено людям, в какой-либо степени повлиявшим на мировоззрение поэта и вдохновившим его на собственные философские изыскания: А. Н. Радищеву и П. Я. Чаадаеву, А. И. Галичу и А. П. Куницыну.

Несколько глав книги посвящены всестороннему анализу конкретных произведений поэта. Они раскрывают Г. М. Седову не только как прекрасного исследователя, но и как замечательного литературоведа. В главах, посвященных разбору баллады «О Рыцаре, влюбленном в Деву» и пьесы «Сцены из рыцарских времен», Г. М. Седова делает глубокие умозаключения и вступает в заочную полемику с другими исследователями. Хранительница музея-квартиры А. С. Пушкина возражает И. З. Сурат, полагавшей, что к 1830-м годам, к моменту начала работы над «Сценами», поэт «разуверился в идее религиозного оправдания любви», и уверяет, что Пушкин к этому времени, напротив, был убежден в том, что «именно любовь, как для поэта его божественный дар, способна обеспечить путь к спасению». Анализируя балладу и «Сцены», Г. М. Седова первой из пушкинистов предлагает рассматривать первую и последнюю редакции баллады как отражение значимых этапов эволюции Пушкина-поэта, со временем несколько отошедшего от романтического восприятия поэта как исключительной натуры, но все так же тяготившегося общественным одиночеством.

Г. М. Седова дает нам возможность проследить эволюцию Пушкина от романтизма к реализму. Исследователь увязывает осуществленное поздним Пушкиным расширение предназначения поэта «до границ гражданского служения» с романтическим мессианизмом 1830-х годов. Она также подробно останавливается на реакции общественности на преобразование Пушкина, которое многие сочли предательством. Проанализировав события последних лет жизни поэта и его позднее творчество, в первую очередь — роман «Капитанская дочка», она заключает, что в представлении поэта «нравственная составляющая его личной жизни неотделима от творчества». Так, Г. М. Седова приводит нас к мысли, что у Черной реки Пушкин защищал свою честь не только как супруга и дворянина, но и как поэта и человека.

Еще одним неоспоримым преимуществом данной монографии следует признать великолепный слог автора, позволяющий нам полностью погрузиться в чудесный мир А. С. Пушкина и пройти вместе с ним непростой путь его

духовных исканий. Бесспорный литературный талант Г. М. Седовой и всегда уместно вводимые ею в ткань повествования письма А. С. Пушкина и воспоминания его современников помогают нам перенестись на без малого двести лет назад и увидеть поэта, прогуливающегося по Михайловскому и погруженного в безрадостные раздумья о времени и о себе или же посещающего вместе с Вяземским место казни декабристов, мысли о которых никогда не оставляли его и, конечно, испытывающего целую гамму чувств в последние дни своей жизни.

Данная книга по-настоящему уникальна, потому что до Г. М. Седовой никто не пытался, проследив становление мировоззрения поэта, определить, что же все-таки заставило его выйти к барьеру. Исследователь подчинила этой цели всевозможные средства, обратившись к истории, психологии, литературоведению. И если читатель перелистнет последнюю страницу книги с твердой уверенностью в том, что поэту «было за что умирать у Черной речки», значит, автор со своей задачей справилась.

Третье место

Мелихов Александр Мотелевич,

г. Санкт-Петербург (Россия),

Заместитель главного редактора журнала «Нева»

ПОСЛЕДНИЙ ШЕДЕВР

Яков Гордин «Гибель Пушкина. 1831 — 1836». (СПб, «Пушкинский фонд», 2016)

Эта книга читается с нарастающим изумлением: решительно все известно, и решительно все пропущено мимо глаз. Настолько было ясно, что Пушкин великий поэт и победитель всех недругов, что Николаевская эпоха это прежде всего Пушкинская эпоха, — так стоит ли обращать внимания на разные мелкие причуды гения, вовлекавшие его то в попытки давать советы властям, то в карточные проигрыши, то в издательские дела, для которых поэты так же плохо приспособлены, как бодлеровские альбатросы для пеших прогулок:

Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе.

Однако в полном соответствии со структурой научных революций удачно выбранная парадигма превратила периферийные события в центральные и открыла совершенно новую картину. Я. Гордин предположил, что стремление воздействовать на ход российской истории через личные советы императору, через собственный печатный орган, через впечатляющие исторические примеры Пушкин считал главным делом своей жизни, и с железной логикой продемонстрировал, что этот «певец ножек» был первым в ряду великих русских утопистов. И в осуществлении этой программы он проявил и здравый смысл, и выдержку, и дипломатическую тонкость, а поражение потерпел только потому, что поставленная задача была неосуществима, ибо ей противостояли не отдельные личности, а «сила вещей».

Однако рассказанная Гординым история этой титанической борьбы читается с замиранием сердца как классическая трагедия — столкновение великой личности и рока. Гордин завершает свою замечательную книгу такими словами:

«Он погиб не в борьбе с самодержавием и «светской чернью».

Он погиб в борьбе с русской историей, ход которой он пытался изменить.

Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский... Он был первым в этом ряду подвижников».

Но если допустить невозможное, и Пушкину бы что-то удалось, я не представляю, какой вариант русской истории его бы устроил. Ибо ему не менее претила история лидеров «прогресса».

Гордин не поленился привести довольно длинные цитаты.

Англия: «Прочтите жалобы английских фабричных работников — волосы встанут дыбом. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой — какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет об сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, вдруг избавляющей от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию...».

Америка: «С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, доньше безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (...); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному ostracism; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами».

Короче говоря, на всех стихиях человек тиран, предатель или узник.

Чем же при столь высоких требованиях объяснить знаменитые пушкинские слова: «Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал»? Чем? — его гениальным даром превращать страшное и безобразное в прекрасное и забавное, чему свидетельством «Борис Годунов» и «Капитанская дочка». Он бы сумел это проделать и с будущим, когда оно превратилось бы в прошлое, но пока этого не случилось, его гордый дух взывал к борьбе, а не к гордому терпению и мужественному приятию неотвратимого. Историческое будущее поддается влиянию даже и гениальнейшего одиночки не намного лучше, чем прошлое. Но если бы Пушкин согласился это признать, он не был бы Пушкиным. Да, он мог бы написать гораздо больше стихотворений и поэм, но это были бы не пушкинские стихотворения и поэмы. А он написал их ровно столько, сколько требовалось для завершающего пушкинского шедевра — его судьбы.

**Номинация
«Лучшее эссе»**

Первое место

Головченко Наталья Игоревна,

г. Донецк (Россия),

преподаватель Донецкой академии транспорта

Гармония наследия и инноваций: Россия и русская культура в будущем

"В надежде славы и добра // Гляжу вперед я без боязни"

Эти слова, оставленные в наследие великим Александром Сергеевичем Пушкиным, не только отражают его собственный взгляд на жизнь, но и становятся вдохновением для будущего России и ее культуры. Слова великого Александра Пушкина в "Стансах" о Петре Великом призывают нас к размышлению о взаимодействии наследия и инноваций в русской культуре. Смелость и мудрость Петра Великого, олицетворенные в этих строках, служат источником вдохновения для того, чтобы найти гармонию между прошлым и будущим.

Рассмотрим, каким образом принципы и идеалы, заложенные в наследии Пушкина, могут служить ориентиром в создании гармоничного, устойчивого будущего для страны. Ведь эти строки подчеркивают важность стремления к славе и процветанию, не боясь взглянуть в будущее. Этот подход отражает решимость сохранить наследие и в то же время стремление к инновациям в поисках новых достижений.

Великий поэт Александр Сергеевич Пушкин был не только столпом русской литературы, но и мыслителем, оставившим глубокий след в культурной памяти народа. Его творчество пронизано любовью к Родине, идеями свободы и стремлением к красоте. В будущем России важно сохранить этот дух, взяв за образец взгляды Пушкина на симбиоз традиций и новаторства.

Пушкин в своих произведениях и сам жил в периоды больших изменений, как и современная Россия. Его творчество, будучи в то время инновационным, сочетало в себе традиционные формы с новыми идеями. Этот подход стал бы образцом для будущего развития страны, где с уважением к национальным традициям сочетаются передовые технологии и прогрессивные идеи.

Петр Великий не только сохранял национальное наследие, но и приспособливал его для достижения высших целей. Это служило источником инноваций в управлении и образовании. Пётр Великий был лидером в формировании будущего. Действуя смело и решительно, применял новшества в

образовании и культуре, освобождая страну от мрака невежества и поднимая ее на новый уровень развития. Об этом говорят слова поэта:

"Самодержавною рукой

Он смело сеял просвещение"

Одним из ключевых элементов будущего является сохранение и укрепление культурного наследия. Русская культура, богатая традициями и искусством, будет служить не только источником гордости, но и фундаментом для новых творческих подвигов. На примере Пушкина понимаем, что национальное культурное наследие может быть не только вдохновением, но и основой для создания нового, современного и уникального.

Будущее России обещает быть таким же захватывающим, как и ее прошлое. В этом будущем я вижу гармоничное сочетание богатого культурного наследия и передовых технологий. Россия стремится к сохранению своей уникальной идентичности, уважая и ценя свои традиции и в то же время активно внедряет новейшие достижения науки и техники.

Россия, олицетворяя богатство культурного наследия, может использовать его как основу для инноваций в различных областях, таких как искусство, наука, образование и технологии. Так и у Пушкина читаем:

"То академик, то герой,

То мореплаватель, то плотник"...

Эти строки говорят о многогранности Петра Великого, который сочетал в себе различные роли. Это призыв к разностороннему развитию и к интеграции различных областей знаний для создания более совершенного общества.

В современном мире важно сохранять и развивать русский язык, литературу, музыку и живопись. Эти искусства станут мостом между прошлым и будущим, обогащая современную культуру и придавая ей особую отличительную черту. Новые поколения художников, писателей и музыкантов будут наследовать дух Пушкина, внедряя его уникальный взгляд на мир в современный контекст. Таким образом, культурное наследие будет пронизывать современные течения, создавая уникальное и гармоничное культурное пространство.

Также важным аспектом будущего России будет внедрение передовых технологий и инноваций. В свое время Пушкин осваивал новые литературные формы и стили, и современная Россия должна быть открытой к передовым идеям и технологиям. Российские умы будут продолжать вносить вклад в науку и технику, участвовать в космических исследованиях, разрабатывать передовые медицинские технологии и создавать инновационные продукты. Инновационное развитие в области науки, образования, медицины и технологий будет определять успех страны в мировом контексте.

В этом контексте важен не только внутренний, но и внешний взгляд на будущее. Россия должна развивать стратегические партнерства с другими странами, обмениваться идеями и опытом, чтобы создавать благоприятные условия для мирового развития. Диалог культур и технологический обмен будут способствовать формированию позитивного образа России в глобальном масштабе. Ведь наша страна всегда была и есть открыта к диалогу и сотрудничеству с другими нациями. Россия активно участвует в решении глобальных проблем, способствуя миру и стабильности. Ее внешняя политика во все времена основана на принципах взаимоуважения и взаимопонимания, что способствует укреплению дружественных отношений с различными странами.

Петр Великий, олицетворяющий в "Стансах" Пушкина силу и мудрость лидера, также внес вклад в укрепление семейных традиций своим личным примером. Он стал пращуром, преобразуя страну и внося свой вклад в формирование национального характера. Его семейный подход и стремление к образованию выступали в гармонии с прогрессивными идеями своего времени.

Помним:

«Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен"

Семейные традиции играют ключевую роль в сохранении и передаче культурного наследия из поколения в поколение. В контексте гармонии наследия и инноваций в русской культуре, семейные ценности становятся особенно важным элементом формирования и укрепления общественного единства.

Семейные традиции, передаваемые из поколения в поколение, представляют собой непрерывную связь с культурным наследием. Это не только сбережение языка, обычаев, историй, но и передача ценностей, которые формировались в прошлом. В этом смысле, семейные традиции выступают как живой мост между прошлым и будущим.

Однако, для сохранения актуальности и живучести семейных традиций в эпоху постоянных перемен, необходимо обеспечить их гармоничную интеграцию с инновациями. Современный мир предоставляет новые возможности и вызовы, и семейные традиции должны быть гибкими, готовыми к творческому развитию, чтобы соответствовать современным реалиям.

Современные российские семьи могут черпать вдохновение из богатого опыта прошлого, с учетом современных требований. Важно находить баланс между сохранением уважения к традициям и готовностью к творческим решениям. Семейные ценности могут быть тем стержнем, который обеспечивает стабильность и поддерживает инновации внутри общества.

Гармония наследия и инноваций в русской культуре, с акцентом на семейных традициях, становится ключевым фактором укрепления национальной идентичности и обеспечения устойчивого развития. Семьи, оставаясь верными своим корням, могут быть катализаторами для культурного ренессанса, воплощая в себе дух Пушкина и Петра Великого в стремлении к гармонии и прогрессу.

Таким образом, гармония между наследием и инновациями в русской культуре может быть достигнута путем смелого взгляда в будущее, сохранения ценностей прошлого и интеграции их в современный контекст. В этой гармонии заключается ключ к устойчивому развитию и процветанию России в будущем:

Не презирал страны родной:

Он знал ее предназначенье!

Глядя вперед с надеждой славы и добра, Россия может черпать вдохновение из наследия Пушкина. Соединение традиций и инноваций, культурного наследия и современности, будет являться ключом к гармоничному и успешному будущему. С таким взглядом Россия сможет преодолеть вызовы времени и уверенно взойти на путь процветания, достойного своего великого прошлого.

Второе место

Танкевич Владислав Викторович,

г. Мариуполь (Россия),

сотрудник пресс-службы Больницы интенсивного лечения г. Мариуполя

Эссе о будущем России и русской культуры

Величие русской культуры отрицать бессмысленно. Так же бессмысленно, как отрицать факт принадлежности русской культуры к культуре общеевропейской. У русской культуры великое прошлое, и без экскурса в него невозможно строить прогнозы о будущем.

Русская культура, какой мы её знаем сейчас, родилась в царствие Петра I. Государь этот рядом реформ превратил служилое дворянство в помещиков, избавив их от необходимости казённой службою добывать хлеб насущный (что наследники Петра закрепили законодательно), а свободное крестьянство превратив в рабов - имущество новоиспечённых господ. Упростим: у дворян образовалось очень много свободного времени. И время это дворяне последующие два столетия тратили по собственному желанию и разумению: кто-то на службу, кто-то на развлечения, а у некоторой части (нам на радость) проснулся интерес к изящным искусствам. Здесь очень важно отметить ещё один очень важный для дальнейшего разговора момент: Петр не только возвысил дворянство, он ещё и зримо выделил дворянство из остальной массы населения, дав дворянам особую одежду (немецкий кафтан с париком), другой язык (при Петре немецкий с голландским, при его потомках – французский; вспомните, «наше всё» Пушкин до шести лет говорил исключительно по-французски, ни единого русского слова не зная) и, главное, - проведя на долгие столетия в сознании русских людей знак тождества между словами «Запад», «прогресс» и «хорошо». Всё русское стало априори мракобесным, плохим. Всё прогрессивное – по умолчанию хорошим, причем, точно так же по умолчанию стало само собой разумеющимся то, что свет прогресса может исходить только с Запада. Тем самым дворянин чувствовал себя в России не просто высшим существом. Дворянин ощущал себя не менее, чем «Носителем высокой западной культуры», «культуртрегером», очень чутко отслеживая и копируя все новые течения и тенденции на Западе. Как политические, так и культурные. В девятнадцатом столетии культурный слой изрядно пополнился разночинцами, но идея «культуртрегерства», послушно усваиваемая «новыми людьми», продолжала двигать русскую культуру по путям прогресса, указываемым, разумеется,

Западом. Культура и быт других слоёв общества, «русскость» которых не интересовала ни Петра, ни преемников его, если и описывались классической русской литературой, то описание это не несло в себе ни симпатии, ни уважения (пример – купечество в произведениях Островского). Уже в девятнадцатом столетии русское культурное сообщество обзаводится ещё одним качеством, обязательным для всякого русского культурного человека, таким маячком «свой-чужой» – оппозиционностью к собственному государству. Как писал Пушкин Вяземскому: «...Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство...». То есть, сначала непереносимое заверение в презрении к Отечеству (я – ваш, я – буржуинский), и только после этого малая толика патриотизма. Всё, что связано с родным государством для «культуртрегера» – это по определению мракобесное, нуждающееся в скорейшем сносе или хотя бы перестроении. По западным, естественно, лекалам, которых у каждого русского «культуртрегера» хватало в избытке на любой вкус. Здесь стоит особо говорить, что речь идёт не о носителях левых политических взглядов, а обо всех представителях культурного слоя. Вклад условно «правых» в идеологическую подготовку революций 1905 и 1917 не намного меньше, чем «леваков».

1917 год стал роковым для Российской империи. Государство рухнуло. Казалось бы, новый культурный слой, появившийся на костях старого, должен быть другим, без «заморочек» предшественника? Ан нет! Все те качества, которые «культуртрегеры» империи бережно пестовали в себе два века, прилежно усвоили их советские наследники. И право монополично нести быдлу свет «высокой культуры». И особенность зрения, не дающая возможности увидеть хоть какой-то источник света помимо Запада (что, в общем, понятно: «русское» при коммунистах стало синонимом «царского», «старорежимного» и, конечно же, «мракобесного»; Запад же не мог не сохранить своего статуса источника света – отсюда черпались технологии, знания, станки, без которых была невозможна индустриализация страны). От смены власти культурный слой только выиграл: он значительно расширился ввиду проведённого большевиками ликбеза и появления новых социальных лифтов; кроме того, культурный слой был взят коммунистами на полное довольствие, тем самым став частью государства. Последнее обусловило на первые пару десятилетий спад оппозиционности в этой среде. Впрочем, «спад» – это отнюдь не «исчезновение». Когда Великая Отечественная война показала руководству СССР, что марксизм не слишком годится для вдохновения граждан «на смертный бой», оно воззвало к патриотизму. И выяснилось, что как раз патриотизм в условиях войны на уничтожение работает очень хорошо. Руководство СССР настолько

впечатлилось этим «хорошо», что после окончания войны накал патриотизма не снизилось, а, напротив, усилило. Холодная война заставила, к тому же, сбавить градус западничества. И оба этих обстоятельства очень не понравились прослойке «культуртрегеров». Вновь входит в моду скрытая оппозиция власти, иронизирование над патриотическими перегибами (помните, «Россия – родина слонов»?). Дальше – хрущевская «оттепель». «Благое деяние» вышиваночного генсека, воспетое многими поколениями ... Кого? Правильно, «культуртрегеров». Для основной массы населения жизнь лучше не стала (Новочеркасское восстание вспомним). А вот для «культуртрегеров» «оттепель» стала настоящей оттепелью, без кавычек. От кормушек их не отлучили, а вот контроль ослабили. И оппозиционность «мракобесному государству» вновь стала обязательным свойством всякого культурного человека. Тем самым маячком «свой-чужой». Только немного усовершенствовалась. Теперь творчество обязательно должно было иметь «социальную значимость» и «чёткую гражданскую позицию». В переводе на человеческий язык это означало, что государству за его деньги, дачи, материальные блага «творец» обязан был продать фигу в кармане. Те же из «творцов», кто считал непорядочным продавать государству-заказчику за его деньги пресловутую фигу, на совесть делая свою работу, считались в культусовке стукачами, доносчиками и просто продажными мерзавцами. Всякая попытка государства отлучить этих господ от кормушки воспринималась ими как жуткие репрессии.

Но здесь мы с Вами вправе задаться вопросом: поэт твёрдо знал, что он «в России больше, чем поэт», это понятно; а как поэта и прочих «культуртрегеров» воспринимал весь остальной народ? Да точно так же. Почти три столетия носители культуры воспринимались остальным обществом, как высшие существа; те, кто имеют право учить Истинам. И когда грянула перестройка, - звёздный час господ «культуртрегеров», - народ послушно пошёл за ними и раскатал по камешку здание СССР.

Последовавшие за развалом СССР «лихие/святые 90-е» по культпрослойке ударили, пожалуй, даже сильнее, чем по остальному народу. Почему? Да всё просто. В Советском Союзе «творцы» обитали в некоем подобии аквариума с собственной благоприятной экосистемой, с регулярной кормёжкой, подведённым светом, чистой водой и отсутствием естественных врагов. Никто из них не имел навыков выживания в среде естественной конкуренции (вспомните эмигрировавших советских «звёзд»: кто из них смог сделать на Западе карьеру выше ресторанной певички или актера «на эпизоде»?), а потому воцарившийся в 90-е годы «рыночек» большую часть «культуртрегеров» скушал. Редкие анклавы их уцелели только в больших городах – там, где сохранился

доступ к госкормушкам. Но в этих анклавах за тридцать постперестроечных лет господам творцам удалось сохранить и умножить дух советского творческого аквариума: с привычным презрением к кормящему их государству и стране, с ориентацией на прогресс и Запад (как единственно возможный источник этого прогресса), с непоколебимой верой в собственное монопольное право нести свет истины глупому народу. В затхлой квазисоветской атмосфере этих аквариумов они не заметили того, что страна вокруг изменилась, и изменилось отношение к производителям культурных ценностей. Общество потребления окончательно убило отношение к творцу, как к гуру, приведя его к тому же знаменателю, что и на Западе: творец – это производитель интеллектуальных товаров и услуг. Не более. Но «творцы», варясь в своей тусовке, этого предпочли не замечать (именно «предпочли», звончков-то хватало: дела Серебренникова, Ефремова, Дмитриева). А потому грянувшее 24 февраля 2022 года СВО и реакция на него общества стала для «культуртрегеров» неприятным сюрпризом. Вдруг выяснилось, что общество полностью поддерживает инициативы государства. Мало того, антигосударственные высказывания «творцов» оно воспринимает, мягко говоря, без понимания и уважения. И, что хуже всего, от «творцов» оно ожидает не халтурных поделок с оппозиционной фигурой внутри, а качественного товара патриотического содержания. И за этот товар готово платить деньги.

«Творцы» растерялись. Кто-то попытался посмеившему иметь «своё мнение» быдлу объяснить всю нелепость претензий, но, получив в ответ насмешки и агрессию, обиделся и укатил за рубеж. Кто-то затаился. Но, как бы то ни было, а культурное пространство России впервые за три века оказалось полностью очищено от идеологии «культуртрегерства». И русская культура впервые за три сотни лет получила ШАНС! Шанс на самобытное развитие без оглядки на Запад. И первые ростки этой самобытной культуры уже есть. Навскидку можно привести пример «попаданческой литературы» - русского патриотического жанра, появившегося в интернете и давно потеснившего на книжных полках столь нежно любимых издателями Акунина, Глуховского и прочих «культуртрегеров». Музыка? Сразу приходит на ум Шаман, которому ни патриотизма, ни популярности не занимать...

В общем, хочется повторить за Александром Сергеевичем: "В надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни..."

Третье место

Лелюкаева Малика Мурадиновна,

г.о. Нальчик (Россия),

ученица 9 класса Лицея №2

В жизни каждого человека происходят процессы, которые никогда не прекращаются. Мы нуждаемся в движении. Мы все время стремимся вперед, ведь куда стучатся наши сердца, желание жить не угасает. В летний денек мы с трепетом ждем возможности выбежать на улицу после дождя. Выглянуло солнце, тучи рассеялись, а это значит - жизнь заиграла. А последняя перемена перед выходом на каникулы? Школьники мчатся со всех ног: “Побежали скорее! Сейчас в парк пойдем!” - доносятся голоса ребят из всех школьных уголков. А бабушка, чей дом овеян добром и светом? Бабушкина любовь сильнее всего в этом мире. Внуки несутся со всех ног на кухню сесть за стол, чтобы первыми попробовать горячие, только что испекшиеся пирожки с ароматными ягодами: малиной, клубникой, смородиной.

Когда тоска сковывает души, когда внутренний мир находится в заточении мыслей о собственном существовании, наши честолюбивые мечты и надежды угасают и становятся блеклыми, не подающими признаков жизни, словно обесточенные провода. Мы теряем смысл бытия, все вокруг замедляется во времени. Вдруг становится холодно, темно, страшно... В такие периоды погружается в грустные мысли живой, умеющий глубоко чувствовать человек. Его пугает будущее, ведь он не понимает ценности настоящего и прошлого...

Но я не желаю жить по этим правилам. Я живу по законам гармонии. На смену черному всегда приходит белое. А без мрачного и темного не будет яркого и светлого. Не добраться до конца туннеля, не находясь в самой глубине пещеры. Ведь те, кто поистине верят в красоту своей мечты, тому и принадлежит будущее. Нужно помнить, что жизнь коротка, быстротечна. Нужно ловить мгновение, жить моментом, радоваться мелочам и просто любить. Любить этот мир. Смотреть на него так, как делал это мой любимый поэт А. С. Пушкин.

В надежде славы и добра

Гляжу вперед я без боязни...

Наше мировоззрение влияет на то, как мы воспринимаем окружающий мир. То как мы смотрим на будущее, отражается в нас самих. Каждый из нас задумывался, где он родился, сделал первый шаг в жизнь, повзрослел, обрел друзей...Каждый из нас задумывался о Родине, чей вид так близок нашим сердцам. Ведь у каждого из нас есть маленький уголок, точка на Земле, место, которое остается в памяти навсегда, и каждый раз, возвращаясь домой, мы будем испытывать радость. Родные просторы врачуют наши души... А отчий край – огромное значение для человека, ведь это его жизнь.

Тема родного края в произведениях А. С. Пушкина, на мой взгляд, актуальна и по сей день. Мы опираемся на его высказывания, мысли, сопоставляем свои рассуждения и мысли лирического героя, находим общее и пробуем проанализировать различия. Стараемся понять и порой перенять настроение автора, его жизненную позицию и посыл читателю, который предстает перед нами как скрытый смысл. Поэзия и проза Пушкина поражают своей глубиной, эмоциональностью и универсальной значимостью. Все они отражают его глубокую привязанность к России и желание показать ее величие, уникальность и значения ее культуры.

Мое любимое произведение великого писателя, поэта, который оставил неизгладимый след в истории русской литературы — это “Вновь я посетил...”

Автор вспоминает о своей жизни в деревне, описывает нам деревенский пейзаж в следующих одна за другой картинах. Когда я прочитала это стихотворение, мне почудилось, словно я нахожусь в своем родном доме, где передо мною три старые сосны, которые совершенно не изменились, они остались такими же, как и в былые времена. Кажется, эти образы деревьев волшебные. Эти воспоминания переносят меня обратно в беззаботную пору, но... Лирический герой размышляет и о быстротечности жизни, о смерти. Поэт ностальгирует, он понимает, что ушедшее не вернуть. То, что случилось, к сожалению, изменить невозможно. Но все равно. Герой, несмотря на столь грустные рассуждения, верит в будущее, смотрит с уверенностью вдаль, зная, что продолжение жизни и всего чудесного, прекрасного однозначно есть. А. С. Пушкин поднимает вечную тему, которая будет актуальной в любом веке. Меня она порой приводит порой к разным мыслям. Не раз, когда я прохожу по улицам своего города, я задумываюсь, что будет после меня здесь? Что будет в дальнейшем? Я переживаю, ведь поменялись многие ценности и взгляды на жизнь. Мне грустно, что окружающее меняется, что моими глазами никто не сможет увидеть красоту города. А с другой стороны, я понимаю, что не все потеряно. Так же и стихотворение Пушкина. В конце композиции все меняется

на светлое, есть то, что по-настоящему радует глаз и сердце поэта: «племя младое» — свежая и молодая зеленая роща. Размышляя, мы понимаем, что хотел сказать нам автор. На смену старому, всегда приходит новое. И это новое в наших руках. Современное поколение должно понимать, что мы продолжение наших родителей, мы словно течения родников из разных горных рек. Мы должны находить в себе силы быть достойными представителями своей семьи, своей Родины, должны оправдать надежды Отечества. И благодаря этому произведению, я осознала, что существующие законы нашей жизни и судьбы не ограничивают возможности людей, а наоборот, помогают создать в нас глубокую философию чувств и проникнуться благословением жизни.

Тема родины и будущего пронизывает произведения Александра Сергеевича Пушкина. Он мастер слова, поэтому его произведения бессмертны! Они напоминают нам о важности сохранения культурного наследия и процветания нашей Великой державы, нашей Родины. Благодаря прекрасным образам, мудрости слов поэта, моя душа испытывает сильные чувства и эмоции. Я ощущаю вдохновение, которое живет в каждой строке его произведений. Ведь благодаря А. С. Пушкину мне не страшно за будущее своей страны и за будущее следующих поколений.

**Номинация
«Лучший очерк»**

Первое место

Колесникова Мария Александровна,

г. Москва (Россия),

Доцент кафедры зарубежного регионоведения Московского
государственного лингвистического университета

От Петербурга до Рабата: в поисках «моего» Пушкина

Когда я в первый раз прочитала очерк М. Цветаевой «Мой Пушкин», я очень удивилась: надо же, как можно так запросто, на «ты», общаться с «Нашим Всем» и сделать его настолько близким, как будто он не там, на страницах книг и научных работ, а добрый приятель, шагающей вместе с автором по жизни. Но сейчас, по прошествии лет, оглянувшись на свой пока небольшой, но достаточно извилистый жизненный путь, я понимаю, что Он стал и моим близким другом, который сопровождает меня на многих важных этапах, а его наследие живет не только в разных уголках России и мира, но и во мне самой.

...Мне 4 года. Папа читает мне на ночь сказки А.С. Пушкина и, уставший после работы, спотыкаясь о рифмы, подставляет свои слова, поскольку глаза у него уже давно слипаются в предвкушении сладкого сна. Но меня не проведешь: «Сказку о рыбаке и рыбке» я помню наизусть и, судя по комментариям мамы, с важным видом учительницы я неустанно исправляю папины авторские отступления. Не знаю, чем тогда меня прельщало именно это произведение: может быть убаюкивающим ритмом стихотворных строк, а может хотелось верить, что хотя бы в этот раз рыбка поможет бедному старику и избавит его наконец от вредной старухи. В книжном шкафу напротив кровати при этом на меня смотрела папина монография «Пушкин и Туркменистан». Уже тогда я узнала, что Пушкина знают и читают не только в моем городе, но и в далекой жаркой стране, где простираются желтые пески и ласковое Каспийское море.

...1 класс. Петербургская гимназия при Русском музее на площади Искусств расположилась в бывшем особняке братьев Вieselьгорских, входивших в ближайшее окружение А.С. Пушкина. Их дом в первой половине XIX в. был одним из центров культурной жизни столицы, здесь выступали Ф. Лист, В.А. Жуковский, Ф.И. Тютчев. Читал здесь свои стихи и Александр Сергеевич, памятник которому уже 67 лет является сердцем площади, в ансамбль которой также входят три театра, Русский и Этнографический музеи, Большой зал Филармонии.

*«На площади Искусств среди прекрасных зданий
Знакомый бронзовый поэт встречает нас.
С Вами, Александр Сергеевич, на свидание
Мы спешим в один и тот же час.
- Здравствуй, племя незнакомое младое!
Гимнастам лицеист всегда собрат, -
Пушкин улыбается, и нам с тобою
Видно, что он нашей встрече рад...»*

Так начинался наш гимн, который учащиеся знали наизусть и с удовольствием исполняли в школьном хоре на сцене Филармонии. Каждый год 6 июня мы с близкой школьной подругой неизменно поздравляли друг друга с «днем рождения Александра нашего Сергеевича» и не стеснялись в поэтических экспромтах, «подражая Пушкину» на русском и английском языках. В 9 классе в рамках промежуточной аттестации я защищала исследовательскую работу «Пушкин и география», которая позволила совершенно с иного ракурса взглянуть на наследие Поэта.

Что только мы с Пушкиным-памятником не делили за эти 11 лет: и трудовые субботники, и митинги, приуроченные к памятным датам истории, и нашу музейную практику в Русском музее, и наши прогулы, и первые романтические встречи, и «Алые паруса» - выпускной во взрослую жизнь... Молчаливый деликатный наблюдатель, он был одновременно сообщником наших замыслов и воспитателем чувств и дел: под каменным взглядом «Солнца русской поэзии» не хотелось пятнать себя серьезными проступками.

Профессиональный путь нас тоже отчасти объединил. И хотя чиновник Коллегии иностранных дел Александр Пушкин скорее тяготился государевой службой, я на факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета получала от процесса обучения большое удовольствие. Более того, годы, проведенные в стенах бывшего Смольного института благородных девиц, подарили мне знакомство с удивительными людьми-представителями величайших дворянских фамилий, предки которых не только имели дружбу с Александром Сергеевичем, но и были запечатлены в его произведениях: Шаховские (из «Евгения Онегина»: «Там вывел колкий Шаховской Своих комедий шумный рой...»), Волконские (стихотворение «Эпитафия младенцу» - сыну декабриста С. Волконского).

...позднее, уже на службе Министерства иностранных дел РФ в Марокко я познакомилась с Прасковьей Петровной Шереметевой, подвиги дальнего предка которой – петровского фельдмаршала Бориса Петровича – А.С. Пушкин воспел в своей поэме «Полтава»:

*«...Далече грянуло «ура»:
Полки увидели Петра.
И он промчался перед полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова –
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин...»*

Там же, в Марокко, на северо-западной оконечности «пушкинского» континента, судьба свела меня с большим знатоком пушкинской поэзии, переводчиком, профессором Абдеррахимом Латтауи, лауреатом медали А.С. Пушкина Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. И в очередной раз, как и тогда в детстве при взгляде на папину монографию, возникли мысли об удивительно широкой географии пушкинского наследия. «Куда бы нас ни бросила судьбина, И счастье куда б ни повело, Всё те же мы...».

2024 год. Я – доцент Московского государственного лингвистического университета. Напротив университетского здания - Дом-музей И.С. Тургенева, официально являющийся филиалом Государственного музея А.С. Пушкина. Даже здесь, на Остоженке, он все равно незримо присутствует. Где будет наша следующая встреча? Сколько еще нам предстоит пройти вместе, какие новые места открыть? Какие пушкинские строки еще отзовутся в моем сердце? «...В уединенье чуждых стран, На лоне скучного покоя, В тревоге пламенного боя Храни меня, мой талисман...». Талисман необъятного пушкинского наследия. Талисман великой культуры, гордости за своих предков, невероятной творческой свободы, неугасимого остроумия и жизнелюбия.

Второе место

Колесникова Анастасия Викторовна,

с. Поводимово (Россия),

студентка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва

«Мой Пушкин: наследие гения в регионах России и мира»

Так уж сложилось, что для большинства русских писателей, особенно XIX века, наиболее притягательными местами были Москва, Петербург и Кавказ с его удивительной природой. А мордовский край – средняя полоса России? Привлекал ли он к себе внимание художников слова? Да, привлекал. И гораздо больше, чем мы могли предполагать. Более четырех десятков имен русских прозаиков и поэтов, хорошо известных русскому читателю, так или иначе связано с мордовским краем. Одни из них имели мордовские корни, другие бывали в Саранске или на территории современной Мордовии, третьи делали героями своих произведений выходцев из мордвы, писали о событиях, происходивших в нашем крае. Причем мордовский край – это не только территория современной Мордовии, но и те регионы, где исконно проживала мордва (ныне Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Нижегородская, Оренбургская области и республики Чувашия, Татарстан, Башкортостан).

Одним из писателей, оставивших в своём наследии мордовские «следы», является А. С. Пушкин. В 1833 году – в эпоху наступившей после разгрома декабристского восстания николаевской «железной зимы» Пушкин выехал в Оренбург в поиске материалов к «Истории Пугачева». Собрать удалось много. Исторические факты, народные рассказы, судебные документы и анекдоты стали основой не только документально-художественной версии, но и романов «Дубровский» и «Капитанская дочка».

Мордовский краевед П. Я. Машканцев, изучая географию романа, предположил, что прообразом имения князя Верейского («Дубровский») стал город Ардатов, где, как известно, бывал проездом Пушкин. В романе возле Арбатова есть река – Волга. А возле Ардатова – Алатырь. Довольно убедительная версия о том, что Арбатово, где Пушкин поместил усадьбу Верейского, – это мордовский Ардатов. Поэт только поменял буквы (д на б). Такова уж была воля автора.

В авторских примечаниях к 8-ой главе «Истории Пугачева» Пушкин приводит списки дворян и царских чиновников, которые были казнены

восставшими под руководством Пугачева крестьянами. В списках приведены и уезды Мордовии: Краснослободский, Темниковский, Инсарский и Троицкий. Значительную часть материалов по Мордовии Пушкин извлек из столичных архивов – Петербургского и Московского, некоторые документы – из Казанского. Важные сведения сообщали ему друзья и знакомые: поэт Н. М. Языков и его братья, знакомый из Краснослободска К. И. Савостьянов. Воспользовался Пушкин также рассказами самих крестьян из мордвы. Доказано, что в Кемле (ныне Ичалковский район Мордовии), а не в Болдино, как предполагалось до недавнего времени, была записана Пушкиным мордовская народная песня. Пушкин был в Кемле. Сказывалась близость имения Пушкиных – Большого Болдина, которое расположено от мордовского села Пикшень всего лишь в трех километрах, а Большеболдинский район Нижегородской области граничит с Большеигнатовским районом Республики Мордовия. По сути дела, Большеболдинский район – это древняя историческая земля, где исконно обитала мордва. Сама эта деревня мордовских бортников в XV – XVI вв. находилась под «большим черным мордовским лесом»; исторический лесной массив сохранился и доныне, рядом со Львовкой, куда любил ездить верхом на лошади А. С. Пушкин.

Интересна история о скрипке, которую хранила вдова одного из основоположников мордовской литературы Ильи Петровича Кривошеева. Более двухсот лет скрипка передавалась из поколения в поколение вместе с легендами, одна из которых связана с именем Александра Сергеевича Пушкина, которого «увеселял» на этой скрипке прадед Ильи Петровича.

А история была такая. На прощание с жителями хутора Маяк (ныне Лопатинского района Пензенской области) прадеду Ильи Петровича Кривошеева Пушкин подарил свой портрет с автографом и пятирублевую ассигнацию «за увеселение мордовскими песнями и проезд на тройке через огненное пламя». После пожара, от которого сгорел весь хутор, уцелела только скрипка, которую прадед успел вынести. Она передавалась из поколения в поколение как доказательство того, что Пушкин был на хуторе Маяк, когда ездил по России, собирая материалы к «Истории пугачевского бунта». Так эта реликвия дошла до наших дней, хранимая матерью Ильи Петровича – народной сказительницей Ефимией Петровной Кривошеевой и подаренная сыну в день бракосочетания.

Нам дорого все, что связано с именем Пушкина, с его творчеством и жизнью. Многие мордовские писатели посвятили свои произведения Пушкину и его творчеству. Например, «Венок Пушкину» И. Пиняева, «Пушкин и кузнец» А. Малькина, «А. С. Пушкину» Н. Эркай и другие.

Свой вклад внесли и мордовские скульпторы и художники. Бюст поэта в июне 1919 года представила на первой в Пензенской губернии художественной выставке в Наровчате учительница М. И. Феокритова – уроженка ковылкинского села Троицк, ставшая профессиональным скульптором. В 1937 году создал портрет Пушкина П. И. Дьяков – уроженец деревни Вярвель (ныне Ковылкинского района), а художник из Саранска Н. А. Радченко – скульптурное изображение Пушкина.

В мае 1937 года в столице Мордовии состоялся Пушкинский фестиваль, на котором только что созданный республиканский театр оперы и балета поставил «Евгения Онегина» и «Пиковую даму» П. И. Чайковского, «Бориса Годунова» М. И. Мусоргского, «Дубровского» Э. Ф. Направника.

Имя великого русского поэта было увековечено в Саранске. 14 сентября 1899 года была открыта бесплатная народная библиотека. Ее основателями были Елена, Лидия и Надежда Токаревы, А. А. Масловская, Е. Д. Фалилеева, В. П. Мещерякова и другие. С 1939 года библиотека носит имя А. С. Пушкина. Сейчас это крупнейшая библиотека республики с книжным фондом около 1 млн. 300 тыс. экземпляров.

Наследие Пушкина в Мордовии является неотъемлемой частью региональной и российской культуры. Оно вдохновляет нас на новое прочтение и переосмысление бессмертных творений поэта с интересной, но трагической судьбой.

Третье место

Медовой Илья Борисович,

г. Москва (Россия),

доцент Всероссийского государственного университета кинематографии
имени С.А. Герасимова

В гости к Пушкину

В нынешнем году мир отмечает 225-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Когда мы произносим это имя, попадаем в гармоничный, легкий мир, где светла даже печаль. Огромную галактику по имени Пушкин, начинаешь лучше понимать, оказавшись в местах, связанных с поворотными моментами жизни поэта.

Страна детства

В своих стихах и письмах Александр Пушкин не раз вспоминал небольшую подмосковную усадьбу бабушки под названием Захарово, где он, по собственному признанию, был счастлив.

*Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено...
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят...*

Хозяйка усадьбы Мария Алексеевна Ганнибал происходила из старинного боярского рода и была замужем за сыном «арапа Петра Великого» Ибрагима-Осипа Ганнибала. В мае 1805 года к ней в Захарово приехала ее дочь Надежда Осиповна Пушкина с детьми, в числе которых был и Саша. С тех пор будущего поэта вместе с сестрой и братьями вывозили на лето к бабушке до самого его отъезда в Лицей в 1810-м.

Его жизнь в имении заботливой бабушки, которую он, любя, называл мамушкой, была райски беспечна — походы в соседние Вяземы, прогулки в захаровском парке, на берегах речки и старого пруда, посиделки на скамье под старой липой, где так интересно было слушать сказки и созерцать природу. Саша бегал среди липовых аллей, купался в пруду, учился скакать на лошади.

Бабушку возмутило, что её внуки изъяснялись исключительно по-французски, поскольку русскому в московском доме их не научили. Она запретила говорить в Захарове по-французски, прогнала иноземных гувернёров, доверив внука доброй няне Арине Родионовне и «дядьке» Никите Козлову. Благодаря этим дворовым слугам в Пушкине развилось понимание, как выразился однажды Гоголь, «простого величия простых людей». Кстати, и сама Мария Алексеевна, несмотря на хорошее образование, говорила только по-русски — просто, ясно и метко. Она-то и научила внуков читать и писать на родном языке.

Сегодня в Захарове можно увидеть построенный четверть века назад на сохранившемся первоначальном фундаменте деревянный дом — такой, каким он мог бы быть в пушкинские времена. В нём книги той эпохи, в основном исторические труды и поэтические сборники, много других предметов, воссоздающих атмосферу дворянского дома позапрошлого столетия. Комната бабушки, гостиная, детская... Столовая встречает гостей накрытым столом. Можно распахнуть огромные застеклённые двери и оказаться на открытой террасе в окружении белоснежных колонн.

Как и в пушкинское время, усадебный дом окружён парком, в котором сохранились пруд, речки, плотина, липовые аллеи и могучие ели. Воскресла и растёт березовая рощица, которую так любил маленький Саша. Восстановлена и любимая им кованая решетка на мосту через реку. Всё это — страна детства поэта, главная часть Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина.

Каждый год, в первое воскресенье июня в усадьбе проходит Пушкинский праздник с весёлыми играми, концертами и представлениями. Он с утра захлёстывает все три поляны Захарова — Большую, Малую и поляну Сказок. Возле памятника юному Пушкину рядом с прудом поэты читают стихи. И хоть народу обычно собирается несколько десятков тысяч, тут не бывает тесно — вокруг распахнутый во все стороны простор.

На лужайке рядом с домом стоит трогательный памятник, изображающий Сашу рядом с бабушкой. Оказавшись здесь, неизбежно думаешь об очевидной вещи: бабушка любила внука. Любила той искренней бескорыстной любовью, которая делает ребёнка счастливым. И наша память о бабушке Пушкина и о няне

Арине Родионовне — дань уважения тому началу, которого порой так не хватает в нашей жизни — чистой, как ровное пламя, любви к ребенку. Это воспоминание обо всех любивших и любящих бабушках, нянях, мамушках, известных и забытых, но оказавших благотворное влияние на выросших из детей взрослых — не только в пушкинскую эпоху, но и во все времена.

Гений места

В другом родовом имении Пушкина, Михайловском, возле скульптуры возлежащего под яблонями кудрявого поэта, услышал такой диалог. «Папа, кто это? — спросила девочка лет пяти. — Это дядя Пушкин, — проникновенно ответил отец. — И, уже обращаясь ко мне: «Сфотографируйте нас, пожалуйста!». На фоне Пушкина? — спрашиваю. — «Да, конечно!».

Многое сложное становится ясным рядом с Пушкиным, на фоне Пушкина.

Когда-то это место называли Святыми Горами, что связано со Святогорским монастырем, основанным по приказу царя Ивана Грозного. Вместе с обителью возникла слобода, которая разрослась в село Святые Горы. В советское время ему дали название Пушкинские горы, эти места были объявлены заповедными. Основная часть пушкинского заповедника — сельцо Михайловское, которое императрица Елизавета Петровна пожаловала в вечное владение прадеду Пушкина Абраму Петровичу Ганнибалу. Поблизости находится Петровское — родовое имение Ганнибалов. Пушкин часто навещал здесь своего двоюродного деда Петра Абрамовича Ганнибала. В восьми километрах от Михайловского — имение Осиповых-Вульф — Тригорское. Там, в кругу друзей, поэт был согрет взглядами столь же дружески-ми, сколь и любящими. В 1825 году в Тригорском гостила Анна Керн. После их встречи с Пушкиным родились известные всем строки «Я помню чудное мгновенье...». Свой первый поэтический сборник Александр Сергеевич готовил здесь, в Михайловском, а всего написал тут около ста произведений, в том числе центральные главы «Евгения Онегина», «Бориса Годунова».

Немало интересного в здешних окрестностях: усадьбы, мельницы, историческая деревня пушкинского времени под названием Бугрово. Правда все эти строения — новоделы. Их пришлось возвести после того, как прежние были разрушены. Усадьбы Михайловское, Тригорское и Петровское разграбили и сожгли в феврале 1918-го крестьяне. Пустив «красного петуха» в Михайловском, они побежали в монастырь и опрокинули памятник на могиле Пушкина. Увы, из истории этого не выкинешь: православные люди в православном монастыре осквернили могилу национального гения...

У Пушкина есть стихотворные строки:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его...*

Стихотворение это часто цитируют. А вопрос, как мы должны осваивать культуру прошлого, чтобы лучше строить культуру будущего, тем не менее, остается открытым. Пушкиногорье дает немало примеров, которые могут служить ответом на этот вопрос. Примеры беспамятства. И обратные им — примеры самоотверженности и благородства в отстаивании основ культуры.

...В 1922 году постановлением Совета народных комиссаров усадьбы Михайловское, Тригорское и могила А. С. Пушкина в Святогорском монастыре были объявлены заповедными. Позже в состав заповедника включили усадьбу Петровское и Святогорский монастырь. К 1937-му восстановили дом-музей поэта в Михайловском и некоторые другие постройки. А потом их уничтожили вражеские оккупанты в Великую Отечественную. И опять нашлись люди, которые сделали все, чтобы воссоздать утраченное. Многолетний директор музея-заповедника Семён Гейченко вспоминал о послевоенном времени так: «Жили мы с женой в траншее, потом в бункере, в окопе. Кругом разорены были все деревни. Все жилое разбито. И монастырь, где был похоронен Пушкин, и его дом, и домик няни, и деревья, его современники. Везде были надписи: «Проход закрыт. Заминировано». Несколько лет здесь работали сапёры...».

Хранителю Гейченко предстояло поднять из руин Михайловское, привести в порядок окрестности, вычистить парки. Он сделал гораздо больше: восстановил не только Михайловское, но и Тригорское с Петровским. Появились музеи «Пушкинская деревня», «Водяная мельница», возрождён Свято-Успенский Святогорский монастырь. Планы Гейченко по развитию музея-заповедника реализуются до сих пор. И это, полагаю, имеет прямое отношение к тому, что Пушкин назвал самостояньем человека — осознанию ценности своей личности, чувства уважения к себе, и соединения культуры с ценностью родного дома.

У места всегда есть аура, влияющая на людей, которые в нём находятся. Так вот, гений места в Пушкиногорье в его уникальном ландшафте. Это и есть, как говорят музейщики, главная здешняя мемория. Вид из окна михайловской усадьбы — такой же, каким его видел Пушкин. Хотя, к сожалению, в последние годы заповедные территории теснит «элитное строительство» — достаточно желающих пролезть если не в историю, то хотя бы в исторический пейзаж.

И все же... Ничто не мешает сегодня пройти тихой дорогой по здешним местам. Услышать мерный скрип сосенки, повалившейся на старую ель, стук дятла и крик сойки, напев иволги, легкий шорох крыльев летящей цапли. Увидеть распахнутые дали полей, озер и лесов и рыбаков на берегах Сороти, неспешное движение белых лебедей на озере. Поток энергии, кажется, тут мощно излучается к небу. Воздух словно питает целебной силой. Красота природы — необыкновенная. Гений здешнего места соединяет всё это с всплывающими в памяти чудесными строками Пушкина.

Животворящая святыня!

Земля была б без них мертва...

Болдинское золото

...В конце августа 1830 года Пушкин покинул Москву и через Владимир, Арзамас, Муром, Лукоянов направился в имение отца, село Большое Болдино Нижегородской губернии. Позвякивали колокольчики под дугой, оставались позади деревни, почтовые станции, усадьбы. Степь, просторы, необъятная ширь. Почти четыре дня пути...

В дороге Пушкина одолевали нелегкие мысли о разделе имения и предсвадебных хлопотах. Но в Болдине его настроение чудесным образом переменялось. 9 сентября он пишет невесте в Москву:

«Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног... У нас в окрестностях Cholera morbus (очень миленькая особа). И она может задержать меня еще дней на двадцать!.. простите меня и верьте, что я счастлив только будучи с вами вместе», Ох, и лукав был Александр Сергеевич! В тот же день, с тем же почтарём отправил послание другу Петру Плетневу: «Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать... Невеста пуще цензора Щеглова язык и руки связывает... Ах, мой милый! Что за прелесть здешняя деревня!.. пиши дома сколько вздумается, никто не помешает».

Дни летели за днями. А Пушкин, забыв о надвигавшейся с юга эпидемии холеры, строчил и строчил — словно едва успевал записывать строки, лившиеся с неба. Он и сам был взволнован этим осенним урожаем и радостно перечислял созданное друзьям.

Всем известно теперь это созвездие: последние главы «Онегина», «Домик в Коломне», «Маленькие трагедии», а еще и критические статьи...

На одном дыхании написал столько, что даже для гения кажется чересчур. На самом деле все просто. Той осенью Пушкину удалось вкусить уединения. Известно, как помогает одиночество раскрепощению творческих сил.

Жизнь в большом городе заставляет растрачиваться на мелочи. И Пушкину это было знакомо. В болдинском трехмесячном затворе Пушкин не разменивался. Вот вам и весь секрет.

...Усадьба Александра Сергеевича — небольшой островок парка с романтическим мостиком, беседкой, колодцем, старыми аллеями — существует поныне. И, что немаловажно, в первозданном виде. Крохотный господский особняк — единственный подлинный пушкинский дом, сохранившийся в России. Заповедный парк, роща Лучинник — любимые места пеших и конных прогулок поэта; двухсотлетние дубы в два обхвата (пусть и без котов учёных), посаженная Пушкиным лиственница — тоже настоящие.

Входишь в усадебный дом и сразу попадаешь в «зальце», самую просторную комнату с большими окнами и застекленной дверью. За ней открывается взгляду вполне деревенский пейзаж: двор с бревенчатыми постройками и широкой поляной посередине. Чуть поскрипывает пол под ногами, кажется, что дом живой и дышит. Обстановка проста: две угловые печи, между ними диван с деревянной спинкой, несколько кресел из орехового дерева, круглый столик с рукописями, на стене потемневшие от времени фамильные портреты. Здесь поэт обычно обедал и отдыхал.

А вот и пушкинский кабинет, где вместо письменного стола — крытый сукном ломберный столик (в самом деле, в Болдине письменного стола у Пушкина не было), на нём пожелтевшие листки, исписанные летящим почерком, свечи, гусиные перья. И вот уже мнится, что сидит за этим столиком Александр Сергеевич, углубленный в разговор с самим собой, и грызет в задумчивости кончик пера, а потом, поскрипывая пером, выводит на бумаге строки...

В 2024 году в Болдине, по предварительным расчётам, побывают не менее 300 тысяч туристов. Болдинские музейщики намерены провести их пушкинскими дорогами так, чтобы люди смогли удивиться красоте пейзажа, ощутить соединенность с Пушкиным, с великой поэзией и Россией.

Радостно сознавать, что при всех сложностях нашей истории пушкинские места живы. И паломников в них не убавляется. Глубинную потребность, ведущую сюда людей, Семён Гейченко называл Прививкой Пушкина. Кто эту прививку получил, по-новому смотрит на мир, касается ли это осмысления пушкинского наследия или гордости за Россию.

**Номинация
«Лучший мультимедийный лонгрид»**

Первое место

**Попова Анна Дмитриевна,
Рылова Кристина Андреевна,**
г. Москва (Россия),
ученицы Предуниверситария Московского государственного
лингвистического университета

**Специальный приз
от Лаборатории сравнительного литературоведения
и креативных практик (ЛитВедЛаб)**

Белчес Екатерина Сергеевна,
г. Арнем (Нидерланды)

Экскурсия

1 Дядька Пушкина

- А вот здесь спал Саша Пушкин, – показывает экскурсовод узкую комнату. В комнате кровать, комод и бюро.

- У него была маленькая комната, и ему помогал прислужник. В простонародье - дядька, – продолжает она.

«Вот тебе на, – думаю, - у него была своя комната! И еще дядька в придачу. Мне бы так!»

- А будили их всех по звонку в шесть утра – вещает экскурсовод. Да, вот эта часть не очень, конечно. Но все же не сможет перевесить дядьку с комнатой.

- Ребята, у вас есть вопросы? – спрашивает экскурсовод Пушкинского дворца.

Ольга Михайловна с надеждой смотрит в сторону отличников. Я поднимаю руку:

- Скажите, а дядька все делал? Посуду тоже мыл?

Немая сцена. Ольга Михайловна с экскурсоводом в замешательстве. Все дети ждут. Нас очень волнует вопрос – кто за Пушкина мыл посуду.

Меня мама каждый вечер шпыняет: «Катя, почему мне надо три раза повторять – помой посуду!»

Мы ждем. Ольга Михайловна тоже ждет. Молодая экскурсовод покрылась пятнами.

- Ну ребята, посуду мыли в столовой, где обедали лицеисты. Там были повара и слуги.

Подумать только! Повара и слуги.

Решено: это перевешивает шестичасовое вставание.

- Но они очень скучали по своим родителям, братьям и сестрам, - экскурсовод сглаживает промах со слугами.

Маленький Ситников тянет руку. У него в семье пять детей.

- Скажите, а чтобы заслужить место в лицее, что надо было сделать?

Ситников любовно осматривает комнату, чистый умывальник, перья в чернильнице. Ситников живет в коммуналке и спит в одной комнате со всей семьей.

Экскурсовод сжимает в руке карандаш.

- Их отправляли туда родители, - неуверенно протягивает она.

Ольга Михайловна решает взять инициативу в свои руки.

- Ребята, для того времени это были спартанские условия. Лицейсты рано вставали, много учились и виделись с родными лишь на каникулах.

- Везет же людям, – шепчет Ситников.

- Спартанцы! – восхищается Дедулин. Он недавно смотрел фильм про спартанцев. И очень хотел походить на Спартака.

- Ольга Михайловна, а где здесь жили спартанцы? – спрашивает он.

Экскурсовод теребит платочек. Ольга Михайловна воинственно хмурит брови.

- Петя, спартанцы здесь не жили. Спартанцы жили в Древней Греции.

Мы недоуменно переглядываемся. Только что нам рассказали, что здесь для них все условия создали, а они взяли и махнули в Древнюю Грецию? Странно все у взрослых! Наша классная немножко запуталась, я помогу.

- Ольга Михайловна, – говорю я, – Вы имели в виду, что Пушкин со своим дядькой не знали спартанцев. Потому что не были в Греции. Но спартанцы-то их знали! Потому что тогда уже все знали, что Пушкин великий поэт. Вы нам на каждом уроке говорите – нет такого человека, который бы не знал Пушкина.

Теперь платочек теребит Ольга Михайловна.

- Дети, давайте пройдем дальше. В парадные залы лицея, в газетный кабинет, в учебный класс. Посмотрим, как учились лицейсты!

Неровной походкой Ольга Михайловна и экскурсовод продвигаются внутрь. Мы гуськом продвигаемся за ними. Станные эти взрослые, элементарных вещей не понимают. Перед тем как двинуться дальше, нам надо надеть бахилы.

- Ура! – кричит Косолапов и достает из ящика самые длинные. Они полощутся по полу как лапы у пингвина. Все завидуют Косолапову, все хотят такие же бахилы. И срочно начинают рыться в груде бахил, отыскивая самые длинные.

Тетенька на посту охраны вздрагивает.

- Вы! Вы! – кричит она, и не находит нужных слов. – Вы оболтусы, невоспитанные. Как?! Как можно? – пытается образумить нас она.

Вперед выходит Маша Бубенчикова – кругленькая девочка с бантом:

- Я всегда здороваюсь и мою руки перед едой. Мама говорит, что так поступают воспитанные дети. Здравствуйте! – говорит Маша и показывает чистые ладошки. Улыбается тетеньке.

Тетенька бежит к экскурсоводу, та скрывается за поворотом.

Ольга Михайловна застряла в туалете с Халдеевым. Он закрыл задвижку, а она застопорилась. И теперь не выйти. Ольга Михайловна спрашивает:

- Коленька, ты ее немножко приподними, она и откроется.

Коленька басит:

- Не открывается! Никак. – И корежит задвижку ногтем.

На подмогу тетеньке- охраннице вышел дядя-охранник. В его присутствии мы притихли: он большой и грозный. Как Иван Грозный, – вспоминается мне.

«Иван Грозный» повелевает всем сесть по лавкам. Беспрекословно подчиняемся. Гробовая тишина.

И тут доносится победоносный клич:

- Ольга Михайловна, ура! Я вырвался! – из туалета выбегает красный, запыхавшийся Халдеев, и трясет задвижкой от туалетной кабинки.

Ольга Михайловна обнимает его и целует. И мы все с мольбой смотрим на Ивана Грозного. Что дальше?

Иван Грозный входит в положение. Что-то шепчет на ухо Ольге Михайловне.

- Ребята, сейчас у нас будет перерыв, и мы пойдем в дворцовый буфет. А Иван Николаевич будет нас сопровождать.

- Ура! – кричим мы, и нестройными парами двигаемся за широкоплечим царем Иваном. До лицейских покоев мы пока так и не дошли. Но нам и не надо было. Пирожки с повидлом и ватрушки все же перевесили отсутствие дядьки. Такие даже и он не сумел бы испечь.

2 Царскосельский душегуб

Сазонов ковырял в носу – вчера бабушка огласила «день борьбы с экологией». Сазонов подумал во имя экологии, но бабушке перечить не стал.

- Надо разделять отходы, - говорила бабушка.

Сазонов разделял – бытовые в мусорку, пищевые – просто через забор.

Бабушка наказала очищать огород от слизней и улиток. Насобирав в банку, сыпь соль, лей воду. Экология. Сазонову было лень. Кидал их за забор – от греха подальше. Не перелезут.

Чего Сазонов не ожидал, что рядом с забором пойдет дядя и будет говорить по телефону. Слизни кубарем покатались на дядю. Дядя поперхнулся и стал ругаться в телефон. Сазонов скрылся за углом дома. Спрятал банку под куст. Насвистывая, пошел в сад за смородиной.

В смородине уже кто-то был. Подъедал нижние края. Сазонов изловчился и подошел с левого фланга, схватил кого-то за рукав. Хозяин рукава обернулся. На Сазонова смотрели два больших глаза Вальки Ситникова.

Валька никогда столько смородины не видел. Дома, в городе, варенье выдавалось порционно, на завтрак в кашу или на праздник какой. Валька показал глазами на куст – много. Сазонов отступил. Россыпи рубиновой ягоды покрывали кусты и землю. Всем хватит.

- Окей, – сказал Сазонов. Он был за равноправие.

- Валька, – ответил Ситников.

- Ты откуда? – поинтересовался Сазонов.

- От экскурсии оторвался, в туалет. Зашел за дом. А тут такое.

Такое – был дом смотрителя музея Антон Павловича Чехвостникова. В ночные часы он присматривал за музеем, в дневные растил огород. Антон Павлович был двоюродный дедушка Сазонова. Их связывали невидимые, но прочные нити родства. Нити родства позволяли есть смородину, но также призывали подметать сени, бегать в булочную и выгуливать Оршанку.

Сазонов раздвинул ветви смородины:

- Знаешь, что здесь? – произнес восхищенным полусшепотом.

Валька аж полуприсел, застыл в ожидании:

- Здесь душегуб похоронен, – сказал Сазонов и приложил палец к губам. Обернулся вокруг, помотал головой.

- Никому – ни-ни!

Валька широко раскрыл глаза, активно закивал головой. – Никому! Ни-ни.

Душегубами Валькина бабушка называла разных дядей. Охранников, контролеров в метро, которые бабушку с Валькой не пропускали через турникет. Бабушка ругалась – «Душегубы. Пенсионное удостоверение. Я вам покажу удостоверение.». А так как бабушка была на удивление молода, и невероятно рассеяна, удостоверение она теряла часто. И с душегубами Вальке встречаться приходилось тоже часто.

Сазонов Валькиной растерянности не заметил, томно продолжал.

- Я узнал от деда, а он от своего. В лице душегубец был, Сазонов, его поймали потом. Вот здесь захоронили. Даже коты не ходили сюда. Так-то! – продолжал Сазонов. – Ни-ни.

Валька внимал, представлял больших дядей, и как они их с бабушкой опять не пропускают. И как они опять опаздывают в театр. Или на электричку. И так от этого Вальке горько стало, так обидно. Расквасился.

- Эй, ты чего? - всполошился Сазонов

- Сазонов, не хочу смородину. Домой хочу! – был Валька.

На вой вышел Антон Павлович, приподнял очки. Вошел в ситуацию.

- Так, негодники, марш руки мыть и за стол.

- А ты мальчик, чей? – наклонился к паренькам Антон Павлович.

- Я с экскурсии, – шепелявил Валька.

Антон Павлович напрягся.

- С экскурсии? Не дело, – почесал в затылке. – Я сейчас Марье Павловне позвоню.

- Нее, – вздрогнул Валька, – только не Марье Павловне! – вспомнил охранныцу с бахилами.

- Позвоните, пожалуйста, Ивану Грозному. Он нас пирогами угощал. Он знает.

Через десять минут к Антону Павловичу в домик вбежала заплаканная Ольга Михайловна, тонконогая экскурсовод и Иван Грозный. Смотрели на Вальку, гладили по голове, угощали пирогами. Ольга Михайловна не могла от Вальки оторваться, гладила его, приговаривала – где ж ты был, голубчик. Молодая экскурсовод осела на стуле и молчала. Иван Грозный смотрел в окно на разросшуюся смородину.

Валька ел пирожок с повидлом, запивал морсом, оправдывался:

- Не бойтесь, это все не правда. Там душегуб не захоронен, а то бы смородина не росла.

Иван Грозный утирал слизкую от улиток шею, скоблил телефон. Ольга Михайловна держала Вальку в объятиях, экскурсовод молчала. И только улитки, объявившие борьбу с экологией, мирно поедали смородиновые кусты.

3 Кавалерская мыльня

- Ах чтоб их, этих улиток, – вздыхал Иван Грозный. Улиток и в помине не было, а шея все равно чесалась.

- А я и не кидал, – отмахивался Ситников, — это все Сазонов. Сазонов надежно прятался за Ольгой Михайловной, задавал умные вопросы. Ему разрешили в качестве исключения пойти с экскурсией.

Иван Грозный мечтал, где бы как следует намылить шею. И чтоб без зазрения совести. Вспомнил - в Нижнем Павильоне есть отдаленная уборная с раковиной. То, что надо! Тут и Ситников подсобил:

- Ольга Михайловна, мне надо в туалет.

- Валя, ты не потерпишь, хотя бы до лица?

Ситников напрягся:

- Не дотерплю, Ольга Михайловна.

На пути усталой учительницы и гурьбы третьеклассников выросла Нижняя Ванна. Павильон с круглыми башенками и нарядными оконцами.

Ольга Михайловна вздыхала – думала, как быть с лицеем. Выручил Иван Грозный.

- Посмотрите ребята, это Нижняя Ванна. Так раньше называлась мыльня для кавалеров и дам. Раз в неделю они приходили сюда париться в бане и мыться. Туда водили и лицеистов по субботам. Приводить себя в порядок. – Иван Грозный почесал улиточный затылок.

- А мыльня была только для людей? – спросила Маша Бубенчикова.

- Маша, ну для кого еще она могла быть? – вздохнула Ольга Михайловна.

- Ну например мой кот моется в душе, – насупилась Маша. – Он настоящий кавалер. У него белые усы и манишка. Так что ему можно! – подытожила Маша.

Молодая экскурсовод вздрогнула, представила кота-кавалера. Перевела тему:

- Ребята, нам крупно повезло! Мы можем осмотреть кавалерскую мыльню. Только чур не теряться и в туалете не застревать, – посмотрела в сторону Халдеева и Ситникова. Те дружно закивали. Не теряться.

Парами чудо-экскурсанты пошли мимо раздевальни, в парилку-чугунку, направлялись к мыльной. На пути Маши Бубенчиковой вырос бассейн. Небольшой, окруженный балюстрадой с кокетливыми столбиками и легкими перилами. Маша замерла. Кавалерский бассейн – для Барсика. Ему очень понравится. Не то, что под душем стоять.

- И помещалось сюда тысяча двести ведер воды – вещала экскурсовод. Она поступала из водовода, теплую смешивали с холодной. Чтобы температура была в самый раз.

- Тысяча двести ведер, – повторяла Маша.

- В бане были парильщики, банщики, дровотаски и истопники – продолжала экскурсовод.

- Так, Халдеев – истопник, Сазоново – дровотаск, Дедулин – банщик, я парильщик. Все сходится, – шептала Маша. Устроить баню для кошек – сказка.

Маша поделилась идеей с Якшиной. – вот это класс, – вздрогнула Оля. Столько пушистых кошек в такой бадье. Дело за малым. Притащить кошек.

Остальная часть экскурсии проходила как в тумане, что-то вещала экскурсовод про мыльни, трубопроводы, кастаньяны. Что-то Халдеев шептал на ухо Мирному. Все было не важно.

В голове у Маши маячили кошки. Они купались в кавалерском бассейне, принимали банные процедуры в передевалке. Надевали чепчики и подштаники, расчесывали усы. От этой картины захватило дыхание.

И медленно, шаг за шагом Маша отступала в дебри мыльни.

Иван Грозный, который отслеживал каждый шаг горе-экскурсантов, наконец удалился в уборную. Намылить шею и привести себя в порядок. Ольга Михайловна блаженно вздыхала, гладила Ситникова по голове. Солнечный луч пробрался через высокое оконце и пощекотал макушку Ситникова. Экскурсия продолжалась.

4 Царская мыльня

Уф, – вздохнула Маша. На воле! Дело за малым – добыть кошек. Почему найти их надо именно сейчас, Маша не знала. Знала только одно - надо.

Выглянув из мыльни и не увидев опасности, Маша засеменила к зданию Царской мыльни. Там около крыльца она приметила блюдечко с молоком – там будут ждать ее будущие мыльщики!

У здания царской мыльни грустно курил дворник. Тополиный пух, каштаны в цвету. И листья опять попадают, их уже много. Вози на себе весь день эти бесконечные листья. Провались они пропадом!

Машу не волновал дворник и его думы. Она подошла, в упор посмотрела в самую сердцевину дворниковых глаз и спросила: – Котов видел?

Дворник оторопел.

- И сигарету, пожалуйста, уберите. При детях курить нехорошо.

Дворник поперхнулся, затушил злополучную сигарету. Стал оглядываться. – Котов ищет, заключила Маша. - Хорошо.

Обошла крылечко, фасад. Котов хоть шаром покати.

- Куда ушли? – вопрошала у дворника Маша.

- Кто? – Пятился он к входу Царской мыльни. Напарник побежал в магазин за батоном, но об этом никто не мог знать. Хоть зуб дать, никто не видел.

Господи, думала Маша, какие эти взрослые, однако, глупые.

- Кто? Кто, коты конечно!

У дворника взмок лоб. Такое, казалось бы, унылое утро перерастало в сюрреалистическую явь.

Дворник Григорий знал, что в Пушкине промышляет общество по подделке кожи, по кличке Коты. Григорий напрягся. Девочка – оттуда.

Снял картуз, затушил сигарету. Кивнул подобострастно:

- Будем искать!

Обошли Царскую мыльню, спустились к подвалу, кричали кис-кис.

Маша в обществе дворника подозрений не вызывала. Ребенок помогает в уборке. Что тут такого.

Григорий подыгрывал как мог, шептал кис-кис, осматривал кусты. Думал – это для прикрытия. Подчинялся. Маша вздохнула, котов не наблюдалось. Даже самых маленьких котят – и тех не было. Молока им что ль налить?

К Григорию присоединился Муртаза – как раз принес батон и кефир.

- Нальем кефира, – предложила Маша.

Григорий кивнул. – Нальем! На Муртазу цыкнул – слушайся. Тот вытянулся по швам.

Налили в блюдце кефира. К кефиру никто не проявил интереса, разве что с березы лист упал в плошку. Маша совсем приуныла.

- Девочка, булки хочешь? – поклонились ей Муртаза с Григорием.

- Хочу, – кивнула Маша.

Они присели на крыльце и жевали булку. Каждый думал о своем, но объединяли их все же коты.

Маша встала. Ну что ж, вернусь. Может в следующий раз получится.

- Котов увидите, привет им, - и грустно поплелась в кавалерскую мыльню.

Григорий с Муртазой поклонились и усердно стали загребать тополиный пух и листья в тачку. Все лучше, чем встреча с Котами.

- Ишь какие усердные, подумал дед Егор – замолвлю о них словечко. Можно на постоянку брать. Стараются!

Иван Грозный намыл шею, растер душистым полотенцем – у деда Антона взял. Вздохнул раздольно. – Хорошо! И лето раннее начинается. Переливается тополем, липой, каштанами. Посмотрел в окно и замер. По тропинке плелась девочка. Маша. Теребила какой-то колосок в руке, вздыхала.

Иван Грозный запустил ее в мыльню.

Прокашлялся: – Девочка, все в порядке?

- Да. Все окей. Котов нету.

Иван грозный посмотрел в окно – небо сегодня иссиня-бирюзовое, солнце - зажмуришься. Подсоединил Машу к экскурсии. Ольга Михайловна, к счастью, ни о чем не узнала. Любовно оглядывала тихие, увлечённые личики детей. Маша вздыхала, лелеяла мечту про котов. Григорий с Муртазой праздновали получение постоянки.

Кот подошел к блюдцу с кефиром, скривился и ушел восвояси. День шел своим чередом.

Машина бабушка вздыхала, ворочалась на постели. Говорила себе – вставай, вставай и опять засыпала. Машиной бабушке так хотелось тепла, хотелось к морю, в Крым. Ну если не в Крым, так хотя бы в Солнечное. Побродить по весеннему пляжу, надышаться тишиной.

На бабушку вскочил Барсик. Он давно уже бабушкой был увлечён. Она пахла валерианой и влекла к себе.

- Милый, стара я уже для таких приключений, – отнекивалась бабушка.

Барсик ластился, топал лапами по рукам, улыбался.

Ничего не поделаешь. Бабушка встала, поплелась на кухню. Поставила чайник, налила Барсику молока. День забрезжил красками, постучался лучами в окно.

Барсик наелся, решил провести подругу – в парке жила. Кличка – Желанная. А как же еще, хороша. Козьявка! Барсик умылся, побежал трусцой к Царской мыльне.

Маша слушала про Кавалерскую мыльню, но свет в глазах тускнел. Что интересного, что здесь купались по четвергам дяди, а по пятницам тети? Они и в общественной бане могут мыться. Маша с бабушкой ходила. То ли дело десять пушистых кошек, отдыхающих на пуфиках, лоснящихся около теплых печек, в чепцах и халатах. Эх!

Барсик пробежал Царскую мыльню, принялся – Григорий курил, ел булку. Все, как всегда. А вот след интересный. Повеяло чем-то вкусным. Пошел по следу. Воткнулся в Кавалерскую мыльню. Ну что ж, туда путь давно проложен. Скользнул под крыльцо, прошел по подвальному переходу, вынырнул сверху.

Чей-то монотонный голос вещал - ... Белье содержалось в порядке особою кастиеляншей. У каждого была своя печатная метка: номер и фамилия.

Барсик фыркнул, зачем фамилия, когда по запаху можно распознать. Вот Желанная, вот Григорий, а вот – потянул ноздрями воздух. А вот что-то сладкое, заманчивое. Прошелся меж детских ног. Подошел к русой девочке. Та держала подол юбки как спасительный круг, рисовала ресницами круги.

- Странные эти люди. Даже маленькие, и те с завихрениями. – думал Барсик. Дотронулся хвостом до девочкиного колена, подластился поближе.

Девочка вздрогнула, издала странный звук – Ааа.

Странные, я ж говорю. – И наклонилась к Барсику. Тот же неуловимый сладкий запах манил кота, не давал уходить. Хотя где-то в мозгу уже зажглась лампочка – опасность!

Машенька гладила Барсика, искристо улыбалась. Сам пришел. Молодец, почуял.

Осталось лишь воду набрать.

Маша шагнула к Сазонову.

- Пятерку хочешь по математике? – Подумала, сдвинула брови. – В конце четверти.

Сазонов от такого предложения осел. В конце четверти. Пять. Да мать за такое не то, что в зоопарк, на море отвезет. Мороженое каждый день будет, литься в вазочки. Лишь рот подставляй.

- Сглотнул. – Угу. – Что надо?

- Надо сбежать к Григорию в сад. Сказать, чтоб включил кран в кавалерской мыльне. Скажи – Маша велела. – Подумала, добавила, - которая с котами.

Сазонов кивнул. Он был не из группы, и Иван Грозный его не пас. Ольге Михайловне на ухо прошептал, – Мне по делу надо.

- Конечно, милый, иди! Рада, что смог побывать на нашей замечательной экскурсии! – воодушевленно шептала Ольга Михайловна.

- Угу, - пробирался к выходу Сазонов. Сазонов давно уже понял, что самое главное в жизни – ловить удачу за хвост. Прямо сразу. А то поздно будет.

6 Бассейн

Дети двигались в истопное отделение. Там стояли вместительные титаны, лежали березовые дрова для демонстрации. – Странно, взяли бы уж сосновые – думал Ситников. В них и силы больше и отдачи. Бабушка всегда только такими и топил, - пожал плечами.

Экскурсовод продолжала - В ваннных комнатах мебель карельской березы и красного дерева. Помещение парильни обшито липой, ушата скреплены медными обручами, а центральный бассейн изготовлен из олова.

- Из олова, – улыбалась Маша. Как раз Барсику корытце помыться. Маша искупалась.

На Машу косилась Оленька. Оленьке давно уже надоела экскурсия. Оленьке хотелось смородины как Ситникову и посмотреть мультик. Где тут его найдешь?

Дети перемещались по небольшому помещению, Иван Грозный сладко подремывал на стуле, экскурсовод улыбалась. Наконец группа усмирилась. Ольга Михайловна сладко грезилась. Все в сборе, все на месте и слушают. Какой отличный у ребят получился день.

Неожиданно где-то скрипнуло. Внизу Нижней ванны что-то заскрежетало, задребезжало, забурчало. Волосы у Ольги Михайловны зашевелились, Иван Грозный выпал из сна, ребята примолкли. И только Маша Бубенчикова улыбалась:

- Ребята, ничего страшного! Это Григорий ванну наполняет. Для Барсика! – И победно улыбалась. Маша сияла.

Иван Грозный впился глазами в Машу, вздрогнул всем телом. После туалетной задвижки, пирожков с повидлом, душегубца и слизняков на шее, он мог ожидать всякого. И от кого угодно. И все время был на чеку. Но от Маши? Смерил ее взглядом, прошептал одними губами

- Какой Григорий?

- А там, Григорий с Муртазой. С котами – уже менее победоносно говорила Маша, видя налитые глаза Ивана Грозного. Закончила совсем за упокой – От котов.. Они..

Иван Грозный попятился. Местное общество по подделке кожи, по кличке Коты, знали все пушкинцы. Но откуда она, маленькая девочка из спального района Питера знает Котов? Спрашивается. Откуда?

Иван Грозный поднес руку к карману. Мобильный. Срочно звонить, в полицию. Разоблачать. Ольга Михайловна стала белее стены. Держалась прямо, заслоняла Машу собой.

Барсик почуял что-то неладное. От Маши исходил чудный запах. Валерианы! Бабушка утром гладила ей платье. Пролила свои капли. Запах однако начал выветриваться, да и девочка потеряла мягкость. Барсик осторожно шел по кромке оловянного бассейна. Собрался уходить.

К сожалению, не учел двух факторов. Стоящего спиной Халдеева и ушата, обитого обручами. Халдеев наклонился к ушату - уж больно сиял обруч – и хватил Барсика по лапе. Тот взвизгнул и рыжей дугой полетел в бассейн. В бассейн полилась вода. Не тонкой заржавелой струйкой, чего можно было бы ожидать. А толстым водонапорным потоком. Видимо недавно проложили новые трубы, а провели водосток по старинке, к Нижней ванне.

Барсик взвизгнул. Бассейн, когда-то отапливаемый истопником, и исправно наполняемый пожарщиком, был крепок. Ни дырочки, ни лесенки, никакой лазейки. Барсик в отчаянии взглянул на Пяточкина. И не прогадал.

Вася Пяточкин взвизгнул не хуже Барсика и ринулся в наполняющийся бассейн. За ним прыгнула Ольга Михайловна, а за ней Иван Грозный. В наполняющемся бассейне собратья по мыльне нашли друг друга – Вася Барсика,

Ольга Михайловна – Васю, Иван Грозный – Ольгу Михайловну. Стояли рядом дружным хороводом и подрагивали. А на все это сверху взирала группа школьников.

Дверь в мыльню распахнулась. Иван Грозный осознал, что время их группы давно закончилось. И в Кавалерскую мыльню шествуют новые посетители. Экскурсанта набились в тесно заполненный зал. Говорили на непонятном языке, улыбались. Пяточкин услышал одно слово – Аригато. – Так это ж японцы, – осенило его.

Японцы достали фотоаппараты, телефоны и начали фотографировать группу в бассейне. Кавалерская мыльня заиграла новыми красками. В окно подмигивало солнце. Барсик прижимался к Пяточкину, тот к Ольге Михайловне, а Ольга Михайловна позволяла себя приобнять уже такому родному Ивану Грозному.

Японский экскурсовод не растерялся, провещал туристам что-то непонятное. Для остратки перевел:

- А раз в году мы наполняем Кавалерную мыльню. Чтоб посетители убедились, насколько удобно и приятно было умыться в девятнадцатом веке. – Японцы улыбались, щелкали фотоаппаратами и удалялись за нахмуренным экскурсоводом. Тот уже сообщила на пульт управления о происшедшем наводнении.

Через пять минут влетели приспешники Ивана Грозного, вытащили Пяточкика с Барсиком, дрожащую Ольгу Михайловну, подали руку Ивану Грозному. Воду остановили. Всех вытерли в раздевалке, переодели в старинные одежды, что оказались под рукой. Поили чаем.

Группу было решено разделить. Большая часть направилась с японским гидом к автобусу. Тот мудро рассудил, что это сейчас лучший вариант. Другая часть осталась в раздевалке.

На Барсике был чепчик, как и мечтала Маша, на Ольге Михайловне старинный халат, на Пяточкине сюртук – наверное Пушкина. Машу оставили в качестве свидетеля.

- Ну и что мне теперь со всеми вами делать? – тер шею Иван Грозный. – Как, куда? Он и сам уже понимал, что ни в какой полиции его не примут, а на пункте охраны сочтут за сумасшедшего. Придется списать все на прорванные трубы. На что ж еще. ЧП описать в отчете.

Ольга Михайловна перестала дрожать. Смотрелась она дивно в старинном халате с кружавчиками. Иван Грозный впервые оценил ее по достоинству. Симпатичная. Ольга Михайловна восхищенно смотрела на Ивана Грозного. Справиться с Машей, Халдеевым, Ситниковым и Пяточкиным – под силу только настоящим героям.

И лишь Барсик, который наконец-то немного обсох, смотрел на всех с презрительным недоумением. Ну и что вам всем не сидится. Пушкин, мыльня! Потрескать бы уши, костей на худой конец и на боковую. Понял, что с девочками, пахнущими валерианой, он никогда и ни за что больше не свяжется.

7 Эпилог

Солнце освещало Кавалерскую мыльню, стены свежего дуба, гранитную ванну. Экскурсия в Пушкинском парке подошла к концу. И только для Григория и Муртазы рабочий день продолжался. Листья все падали и падали на дорожки, по которым когда-то гулял лицеист Саша Пушкин.

Да, у Пушкина был дядька, много смородины, мылся он в Кавалерской мыльне и сочинял неплохие стихи. Но такой день, как этот, вряд ли бы даже Пушкин описал, – думала Ольга Михайловна, мягко покачиваясь в экскурсионном автобусе. – Разве что в Пиковой даме, – подумалось ей.

Зейферт Елена Ивановна,

председатель жюри II Международного литературного конкурса «Гений места», доктор филологических наук, член Союза писателей Москвы и Союза переводчиков России, профессор Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Московского государственного лингвистического университета.

ПУШКИН – КАМЕРТОН ГАРМОНИИ И ТАЛАНТА

Уважаемые читатели и участники конкурса!

Я от всей души поздравляю участников и победителей конкурса «Гений места»! Сердечно благодарю оргкомитет и жюри, своих замечательных коллег за блестящую слаженную работу.

Отрадно, что в этом году конкурс посвящён Александру Сергеевичу Пушкину в год 225-летия со дня его рождения. Пушкин – это камертон, по которому читатель проверяет ясность, гармонию и здоровье собственного мира. Пушкин – центр солярной системы русской поэзии, «солнце нашей поэзии» (Владимир Одоевский), «наше всё» (Аполлон Григорьев). Многогранное творчество Пушкина поражает целостностью. Поездки в пушкинские места — глоток свежего воздуха! Михайловское, Болдино, Царское село, московский Арбат... Мы все с удовольствием ещё раз прикоснулись к гармоничному миру Пушкина и вдохновлённым его именем местам.

В конкурсе приняли участие как состоявшиеся, так и начинающие авторы. Но, удивительно, на какую высоту подняла их любовь к Пушкину. Любовь к творчеству.

Искусство – это особый вид духовной деятельности. Он направлен на эстетическое освоение действительности. Все аспекты жизни (общественно-политический, социальный, философский, нравственный, психологический и др.) получают в искусстве эстетическое выражение и эстетическую оценку, то есть соотносятся с законами красоты. Искусство сохраняет и передаёт опыт общества, приобщает каждого человека к подлинно человеческой жизни, делает его личностью.

Литературу как вид искусства не зря называют первой среди равных. Мы все растём с книгой. И все растём с Пушкиным. Он приходит к нам сызмальства. Силами литературы мы легко можем изобразить Пушкина. Литература имеет изобразительное начало, поскольку слово всегда обозначает что-то конкретное и

в этом смысле имеет предметный характер (в отличие от по-своему прекрасных музыкальных звуков, движений человеческого тела в танце). Литература – вид искусства, предметный в широком смысле, поскольку в нём воссоздаются лица, события, вещи, явления природы, умонастроения и т.п. Слово способно изображать контуры, цвета, звуки и другие элементы действительности.

Интересно, что все участники конкурса были поставлены в контекст Пушкина, но им приходилось не только сближаться с гением, дышать ему в затылок, но и, по закону М. Бахтина об авторской вменяемости, отдаляться от него! Уходить от творческого почерка и мира Пушкина, чтобы не раствориться в нём и не создать свой текст как вторичный. «Надбытийная активность автора – необходимое условие эстетического оформления наличного бытия, – утверждал М. Бахтин. – Поскольку я активно нахожу и осознаю нечто данным и наличным, определённым, я тем самым в своём акте определения уже над ним. Я должен ценностно весь уйти из бытия, чтобы от меня и от моего в бытии, подлежащем акту эстетического приятия и завершения, ничего не оставалось бы для меня самого ценного». Выход автора из изображаемого бытия позволяет ему создать целостную картину.

Все участники конкурса оказались частью Вселенной Пушкина! Но многие создали самостоятельные произведения первичной значимости. Любой автор рождает текст как миробраз, «равный» фрагменту бытия как целому бытию. Помимо реальной действительности, в поле зрения автора может попасть привлекающая его художественная реальность, созданная другим художником (а чаще несколько). Источниками творчества являются как сама действительность, воспринимаемая писателем через наблюдения, так и, возможно, созданная другим автором (другими авторами) художественная реальность. Автор и изображаемое им бытие переживают облечение этой художественной системы (систем) или отдельных её элементов.

Представьте, каково оказаться в интертекстуальных отношениях с гением! Интертекстуальные отношения возможны между писателями и между произведениями, между текстами и внутри текста. Писатель, вдохновлённый чьим-то текстом, тоже является его читателем. Но выйдя из бытия, которое собирается изобразить, автор исключает себя и из художественных миров, созданных другими авторами. Участники конкурса должны были исключить себя из пушкинского мира и одновременно проникнуться им! Это под силу только подлинному таланту. Никто не отменял и никогда не отменит талант писателя как обязательное условие создания истинного литературного произведения. Именно талант, основа уникального авторского почерка, позволяет литератору переступить сложный порог – порог вторичности.

Используя классические литературные традиции как фундамент собственного творения, талантливый писатель способен идти по-настоящему впереди своих предшественников, к наследию которых он апеллирует, не работать под кого-либо, а оставаться самим собой, первым.

Что ещё должен литератор? Осип Мандельштам правомерно заявлял: «Какой должна быть поэзия? Да, может, она совсем ничего не должна. Никому она не должна, кредиторы у нее все фальшивые!» Но, возможно, есть требования или хотя бы пожелания к поэтам и прозаикам?

Современный русский язык мы числим от Пушкина до наших дней. Литератор именно должен, а не просто может великолепно знать литературный русский язык, сверхбережно обращаться с ним. Максимально точно использовать значения слов – это не прихоть автора-интеллектуала, а элементарное уважение к читателю. Бумага стерпит всё. Но читатель не стерпит бездушного отношения к языку – столкнувшись с неверно употреблённым оборотом (исключая случаи намеренных сдвигов значения), он будет вправе даже засомневаться в истинности написанного. И прекратит чтение.

Ещё один обязательный критерий – наличие в литературном произведении нравственного начала, которое может быть талантливо передано как на примере идеала, так и на примере антиидеала.

Текст питается реальностью, жизненными силами, организует собственную систему правдоподобия, присущую только ему. Никогда не будут читаемы пустые умствования. Автору, плохо знающему жизнь, порой элементарно не хватает необходимой лексики. Поэтому наблюдательность, наряду с врождённым талантом, воображением и интуицией, относится к важнейшим чертам личности настоящего литератора.

Одна из основных проблем, сопряжённых с писательским трудом, – ориентация автора не на реального, а на идеального читателя. Нередко писатель подсознательно идентифицирует своего читателя с самим собой: автору понятна нить собственного повествования, символика образов, связь мотивов, и он считает, что и читатель поймёт текст столь же легко. Однако во многих случаях, когда современный писатель, как Булгаков, зовёт своего читателя за собой («Вперёд, мой читатель!»), боюсь, мало кто откликается на этот призыв, ибо писатель, возможно, уже потерял своего реципиента ещё на дальних подступах к этому прямому обращению.

Уважение к читателю – качество, которое должен воспитывать в себе писатель. Оно связано со всеми критериями современной литературы. Порой литературоведение ждёт от читателя способностей на грани возможного. «Образцовый читатель» в трудах Умберто Эко, «информированный читатель» у

Стенли Фиша... Это типы элитарного читателя, читателя-кумира, понимающего текст с полуслова. Ради такого собеседника хочется работать. В процессе постижения «открытого произведения» (У. Эко) искушённый читатель получает колоссальное эстетическое удовольствие. Но не захлопнет ли с облегчением, едва начав чтение, фолиант, подобный «Имени розы», не элитарный читатель?.. Я призываю писателя и литературоведа не отказываться от мечты о достойном читателе, а поднимать читательскую культуру, считая это святым и великим занятием. Начав с установления равноправных отношений с читателем, неустанно продолжая поиск диалога с ним.

Читатель не следователь, но строгий судья. А мы настраиваемся на уважение и любовь к нему. С ожиданием взаимности. И приглашаем его в соавторы. Передавать художественные мысли прямо, императивно – сегодня непростительная старомодность. Косвенная передача образа – качество не только современной поэзии, но и прозы. Оставляя смысловые лакуны, желательно заранее заполнить их смыслом. Минус-приём всегда неоднозначен, но надеяться только на воображение читателя, самому не утруждаясь, по меньшей мере, невежливо по отношению к собеседнику. Читатель – труженик, сотворец, и за это достоин огромного уважения.

Читать, читать и ещё раз читать... Разве это не важное занятие для писателя? Слышать фразы типа «Я не читаю, мне некогда, ведь я уже сам пишу» просто нелепо. Я не за читательскую всеядность, а за достойную читательскую культуру, которая позволит избежать повторного открытия множества литературных велосипедов. Парадокс, но новизна возникает на фундаменте прочитанного, а не на пустом месте. Не будем точь-в-точь повторять сюжеты Пушкина, Тургенева, Кафки, Бунина, Фаулза, Зюскинда, Аксёнова, Маканина. Не будем говорить, отрицая очевидное: «А я и не читал Кафку, поэтому мой герой превращается в жука вне зависимости от кафкианского». Не читал Кафку? Что ж, плохо. Это лакуна в читательском бэкграунде.

Литературная образованность писателя, в частности, его жанровое чутьё, порой позволяет сотворить талантливую мистификацию. Изменяя ныне и так подвижные границы жанра и жанровой разновидности, автор вступает в интересный диалог с читателем, в чьём подсознании хранятся законы знакомого жанра, играет знаковыми минус-приёмами.

Цельность произведения, органичность, спаянность образов, их не механическое противостояние – черты высокохудожественного произведения. Плюс особое дыхание текста. Его аура. В ткани литературного произведения должна жить душа, иначе зачем этот текст? Если после прочтения произведения в воображении читателя не возникает послесловесной реальности, читатель не

возвращается к художественному миру (созданному им самим вместе с писателем!), значит, текст не живой, а полуживой. Его прочитали и благополучно забыли. Поменьше бы таких текстов. Ведь от искусства мы по праву ждём аристотелевского очищения, как бы не понимали катарсис учёные разных школ.

Владение языками других видов искусства позволяет писателю выйти на более широкого читателя: музыкальность, сценичность, кинематографичность могут имплицитно жить в тексте, ожидая выхода в будущих произведениях театра и кино, созданных на основе чисто литературного. А выход на другие виды искусства, следовательно, на синтетичность, – прямой путь к признанию широкой публикой.

Любовь к родине как критерий современной литературы... Можно передать это чувство без лишнего пафоса. Думаю, нынешнее время требует создания литературных этномифов, в чьих коконах законсервируется русская ментальность. Современные сказания о России заговорят в будущих веках, как поэмы-мистификации Оссиана. Сегодняшнее национальное станет общечеловеческим.

Постоянная шлифовка врождённого таланта, самосовершенствование, осознание литературного творчества как высокого ремесла – вот верный путь на литературный Парнас. Если же нет готовности к трудному пути, лучше отставить альпеншток пророка.

Магистерские программы МГЛУ в области медиа

Институт международных отношений и социально-политических наук МГЛУ реализует две магистерские программы в сфере медиакоммуникаций. Программы направлены на формирование управленческих и исследовательских навыков медиаменеджеров в условиях информационной трансформации.

Магистерская программа

«Международная журналистика.
Управление медиаструктурами»

Магистерская программа

«Реклама и связи с общественностью.
Управление коммуникациями в условиях
современных трансформаций»

Больше об образовательных программах и
политических профессиях –
в нашем Telegram-канале

Научно-популярное издание

Гений места

**Материалы II Международного
литературного конкурса**

Все представленные в книге тексты печатаются в авторской редакции.

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

www.pero-print.ru e-mail: info@pero-print.ru

Подписано в печать 27.05.2024. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,5. Тираж 100 экз. Заказ 546.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»